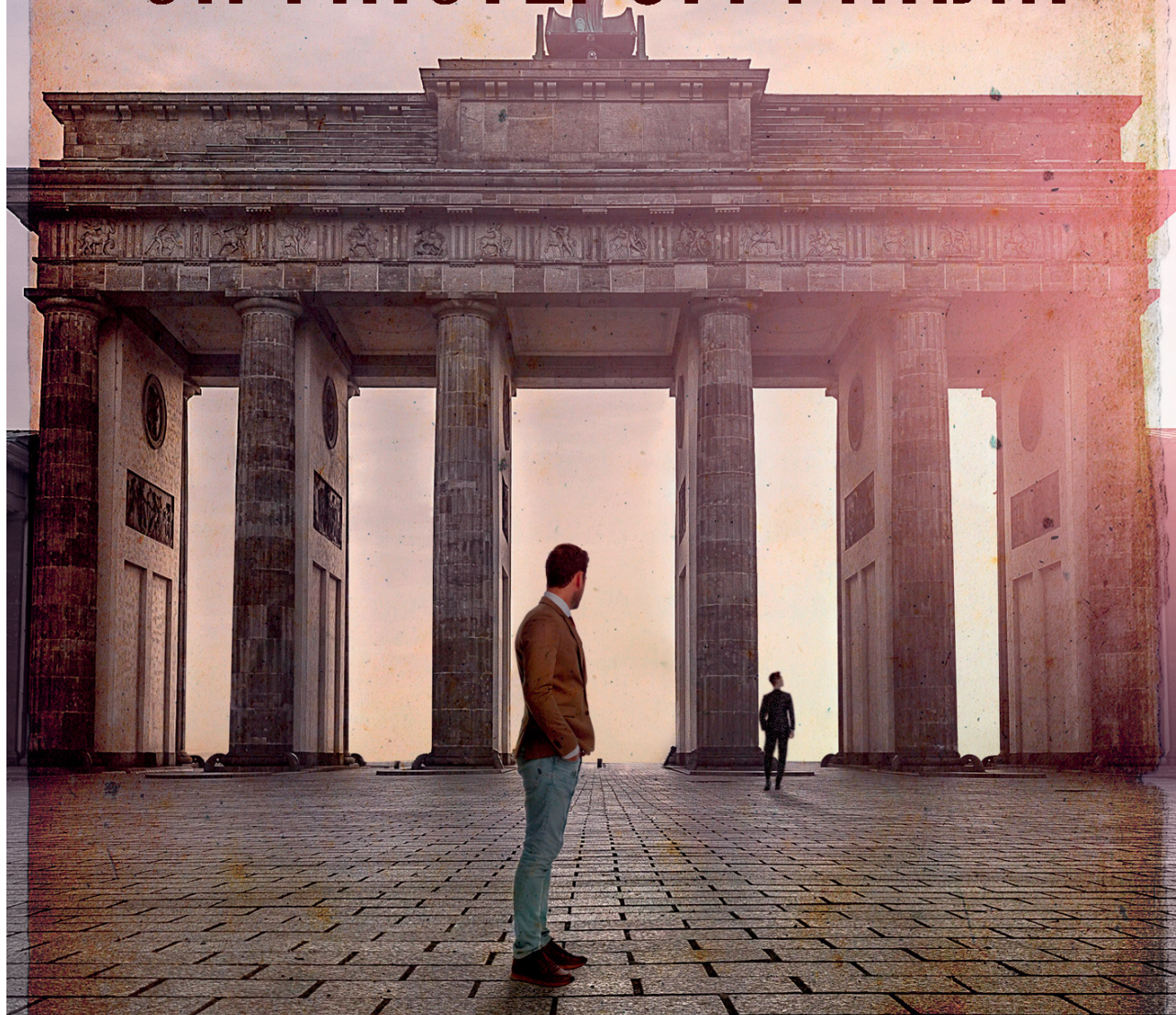

ПАТРИЦИЯ ХАЙСМИТ

ТОТ, КТО СЛЕДОВАЛ ЗА МИСТЕРОМ РИПЛИ

То, что я называю тревожным и пугающим, — это... медленное нагнетание ужаса, и Хайсмит делает это по-настоящему здорово. Она берет вас за руку и ведет к обрыву.

Гиллиан Флинн, автор романа «Исчезнувшая»

18+

Мистер Рипли

Патриция Хайсмит

**Тот, кто следовал
за мистером Рипли**

«Азбука-Аттикус»

1980

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Хайсмит П.

Тот, кто следовал за мистером Рипли / П. Хайсмит — «Азбука-Аттикус», 1980 — (Мистер Рипли)

ISBN 978-5-389-23735-3

«Тот, кто следовал за мистером Рипли» – четвертый роман о самом известном персонаже американской писательницы Патриции Хайсмит, увлекающей читателя в свой странный, замкнутый, иррациональный мир смещенных моральных ценностей и размытых границ между добром и злом. В мистере Рипли с трудом теперь можно узнать того нищего, без гроша в кармане, паренька с темным прошлым, который «не остановится ни перед чем». Читатель встречает Тома Рипли в его роскошном французском поместье, где тот наслаждается своими георгинами, игрой на клавесине и другими невинными радостями, а сбыту поддельных картин предпочитает продажу кистей и красок. Однако его спокойная жизнь меняется, когда Рипли знакомится с шестнадцатилетним американцем из очень богатой семьи, который сбежал из дому после загадочной смерти своего отца, магната пищевой промышленности. Рипли испытывает к подростку странное сочувствие, события стремительно развиваются, и вскоре эта неожиданная пара оказывается вовлечена в преступный мир Западного Берлина 1970-х годов...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-23735-3

© Хайсмит П., 1980
© Азбука-Аттикус, 1980

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	52
-----------------------------------	----

Патриция Хайсмит

Тот, кто следовал за мистером Рипли

Patricia Highsmith

THE BOY WHO FOLLOWED RIPLEY

First published in 1980

Copyright © 1993 by Diogenes Verlag AG, Zürich

All rights reserved

© Е. К. Бросалина (наследник), перевод, 2004

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Патриция Хайсмит (1921–1995) – американская писательница, мастер психологического детектива, перу которой принадлежат более 20 романов и несколько сборников рассказов. Ее произведения отмечены престижными литературными премиями и включены в список «100 лучших детективов» английского писателя и критика Генри Китинга. Творчество Хайсмит послужило источником вдохновения для целой плеяды талантливых кинорежиссеров (в их числе Альфред Хичкок, Лилиана Кавани, Клод Миллер, Энтони Мингелла, Эдриан Лайн и др.), а также проложило дорогу таким известным писательницам в жанре детектива, как Гиллиан Флинн и Пола Хопкинс.

* * *

То, что я называю тревожным и пугающим, – это... медленное нагнетание ужаса, и Хайсмит делает это по-настоящему здорово. Она берет вас за руку и ведет к обрыву.

Гиллиан Флинн, автор романа «Исчезнувшая»

Патриция Хайсмит – поэт мрачных предчувствий, который создал свой собственный мир, замкнутый и иррациональный, и каждый раз мы входим в него с чувством личной опасности.

Грэм Грин

Подлинный мастер психологического детектива.

Bookforum

Нет никого равного Патриции Хайсмит в разоблачении опасности, таящейся в привычном окружении.

Times

Магнетическая книга... Слабонервным и впечатлительным людям лучше не читать.

The Washington Post

Романы Хайсмит затягивают читателя в бездонный водоворот смещенных моральных ценностей и нестабильных личностей.

Джоан Шенкар, биограф П. Хайсмита

Трудно не болеть за Тома Рипли. Не любить его. На каком-то уровне не желать ему победы. Патриция Хайсмит прекрасно справляется с тем, чтобы он добился наших симпатий.

The Guardian

1

Неслышно ступая по гладкому паркету, Том крадучись достиг двери ванной, замер на месте и прислушался. «Вз-з-з... з-з... з-з-з». «Вот настырные паразиты, опять взялись за свое», – с досадой подумал он. И это несмотря на резкий запах «Рентокилла» – суперэффективного аэрозоля, которым Том всего несколько часов назад тщательно обработал все «выходные отверстия», или как там они еще называются! Все его старания, как видно, ни к чему не привели: судя по звуку, жучки-древоточцы продолжали свое черное дело как ни в чем не бывало. Он взглянул на розовое полотенце для рук, сложенное на одной из полок шкафчика: на ткани уже образовалась небольшая горка мельчайшего желтовато-коричневого древесного порошка.

– Прекратить! – крикнул Том и ударил ладонью по шкафчику. Они и вправду смолкли. Тишина. Том представил, как крошечные головастые существа замерли с пилами на изготовку, они тревожно переглядываются, но потом с облегчением кивают, словно говоря друг другу: «Это мы уже проходили! Видно, опять „сам“ появился. Ничего, еще пару минут – и он исчезнет». Тому это тоже было не в новинку. Случалось иногда, что, начисто забыв про древоточцев, он подходил к двери ванной нормальным шагом и еще успевал уловить прилежное жужжание крошечных пил, но стоило ему сделать еще один шаг вперед или отвернуть кран, как они тут же на короткое время замолкали.

Элоиза полагала, что он изводит себя понапрасну. «Пройдет еще лет сто, прежде чем им удастся доконать этот туалетный шкафчик», – говорила она, но Тома это не успокаивало. Его возмущало, что какие-то мерзкие букашки взяли над ним верх; что, доставая с полки аккуратно сложенную чистую пижаму, он всякий раз вынужден сдуть с нее тончайшую древесную пыль; что промазывание шкафчика хваленым французским средством со звучным названием «Ксилофен» (а проще говоря, керосин), а также изучение им двух (!) энциклопедических словарей не дало никаких результатов. «Кампонотус», – прочел Том, – прогрызает ходы в древесине и там обитает. См. также *Камподаея*. В другой статье говорилось: «Бескрылые, слепые, червеобразные; избегают света, живут под камнями». «Червеобразные»? Том отчего-то сомневался, что его маленькие бестии соответствуют данному описанию, к тому же обитали они вовсе не под камнями.

Накануне он даже съездил в Фонтенбло, специально для того, чтобы купить верное, испытанное средство – «Рентокилл», и вчера же устроил этим гаденышам «блицкриг» – сегодняшняя его атака была уже второй по счету, – и снова полное фиаско. К тому же распыливать «Рентокилл» оказалось довольно сложным делом, потому что дырочки располагались на полках снизу...

Звуки возобновились, и в тот же самый момент доносившийся снизу, из гостиной, быстрый пассаж из «Лебединого озера» сменился другой музыкальной темой: теперь это был медленный вальс, по темпу вполне соответствовавший «тиканью» древоточцев.

«Отступись, – сказал себе Том, – хотя бы на сегодня, но отступись!» А ему так хотелось, чтобы эти два дня – вчерашний и сегодняшний – прошли с максимальной пользой! Он привел в порядок письменный стол, выкинул все ненужные бумаги, подмел в оранжерее, написал несколько деловых писем. Среди прочих – одно важное, которое он просил по прочтении уничтожить, – в Лондон, на домашний адрес Джеффа. Том давно собирался ему написать, да все откладывал и вот наконец-то заставил себя это сделать. В письме он настоятельно советовал Джеффу прекратить продажу «случайно обнаруженных» картин и набросков, якобы принадлежащих кисти покойного Дерватта. «Неужто вам мало доходов от процветающей фирмы художественных принадлежностей и от школы искусств в Перудже?» – риторически вопрошал он Джеффа. В прошлом профессиональный фотограф, а ныне – вместе с бывшим журналистом Эдмундом Банбери – совладелец Бакмастерской художественной галереи, Джефф Констант, в частности, вынашивал идею наладить постоянный сбыт бракованной продукции Бернарда Тафтса, то есть неудавшихся имитаций Дерватта. До сей поры все шло гладко, но Том из сообщений безопасности категорически потребовал прекращения подобной практики.

Он решил немного пройтись, выпить кофейку в заведении Жоржа и отвлечься от неприятных мыслей. Часы показывали всего половину десятого. Элоиза в гостиной болтала по-французски со своей подругой Ноэль. Та жила с мужем в Париже, но сегодня приехала одна и собиралась остаться на ночь.

– Ну как, милый? Можно поздравить с победой? – прошептала Элоиза.

– Какое там! Полный провал! – невесело рассмеялся Том. – Древооточцы меня доконали.

– О-о-о! – сочувственно простонала Ноэль, но тут же не удержалась и звонко расхохоталась. Ее мысли явно были заняты чем-то другим, и ей не терпелось вернуться к разговору с Элоизой, прерванному его приходом. Том знал, что в конце сентября – начале октября они собираются совершить какой-нибудь круиз, предвещавший максимум острых ощущений, – возможно, в Антарктику – и хотят, чтобы он к ним присоединился. Муж Ноэль категорически отказался сопровождать их под предлогом множества дел.

– Я собираюсь пройтись. Вернусь минут через тридцать. Сигареты купить? – спросил он, обращаясь к обоим.

– Да, пожалуйста! – отозвалась Элоиза. Она курила «Мальборо».

– А я бросила, – сказала Ноэль.

«Уже в третий раз, если не ошибаюсь», – отметил про себя Том. Он кивнул и направился к парадной двери.

Мадам Аннет еще не успела запереть ворота. «Надо будет не забыть это сделать на обратном пути», – подумал Том и зашагал по направлению к центру Вильперса. Для середины августа было довольно прохладно. В палисадниках соседних домов за проволочными оградами пышно цвели розы.

Благодаря лампам дневного света на улицах казалось светлее обычного, но Том вдруг отчего-то пожалел, что не взял с собой фонарик, – пешеходных дорожек в Вильперсе практически не было. Том вздохнул полной грудью и вместо древооточцев попытался занять свои мысли чем-нибудь более приятным. Он стал думать о концерте для клавесина Скарлатти¹, который ему предстояло играть на уроке завтра утром, а также о том, что, вероятно, в октябре можно будет свозить Элоизу в Америку. Это будет ее второй визит. Ей очень понравился Нью-Йорк, а от Сан-Франциско она пришла в полный восторг.

Там и тут в деревенских домиках замерцали желтые огоньки. Прямо перед ним, над входом в заведение «У Жоржа», косая неоновая вывеска со словом «Табас» бросала вниз розовый отсвет.

¹ *Скарлатти Доменико* (1685–1757) – итальянский композитор и клавесинист. Автор многочисленных сочинений для клавесина, а также опер и вокально-хоровых произведений.

– Привет, Мари, – входя, бросил Том хозяйке, которая как раз в этот момент со стуком пододвинула кружку с пивом очередному жаждущему. Завсегдатаями этого бара были обычные работяги, он находился в двух шагах от Бель-Омбр, к тому же здесь всегда было занятнее, чем в других, более респектабельных заведениях такого рода.

– А, месье Тома! Как жизнь? – откликнулась Мари, не без кокетства встряхивая гривой черных кудрей. Ей было никак не меньше пятидесяти пяти. – Вот и я про то же! – выкрикнула она, видимо возвращаясь к разговору с двумя мужчинами, которые, ссутулившись за стойкой, потягивали дешевый пастис. – Вот жопа! Вот паршивец! Расстилается перед каждым, как шлюха, которая работает до потери пульса! – продолжала Мари. Она вопила что было мочи, видно, ей очень хотелось, чтобы хоть кто-нибудь прислушался к ее ругани. Похоже, она напрочь забыла о том, что в ее заведении подобная ругань висит в воздухе с утра до ночи. Никто из двоих теперь уже громко оравших друг на друга мужчин не обратил на ее слова ни малейшего внимания.

«Любопытно, кого Мари поносит на этот раз, – подумал Том. – Жискар д'Эстена или кого-нибудь из местных воротил?»

– Кофе, – попросил он, улучив момент, – и пачку «Мальборо».

Том знал, что Жорж и Мари были сторонниками Жака Ширака, которого многие почему-то считали фашистом.

– Эй, Мари, ты там потише! – прогудел Жорж. Круглый, как бочонок, маленький и коротконогий, с большими пухлыми руками, он стоял за стойкой слева от Тома, протирая запотевшие стаканы и ловко выстраивая их на полке возле кассового аппарата. За спиной Тома в самом разгаре была шумная игра в настольный футбол: четверо парней яростно дергали за рычаги, маленькие свинцовые человечки в свинцовых шортах раскачивались взад-вперед и били по шарiku-мячу.

Краем глаза Том вдруг заметил слева от себя паренька, опирающегося спиной о стойку. Несколько дней назад он уже видел этого подростка на дороге возле своего дома. Да, точно, это был он – каштановые волосы и одежда, какую здесь носят все работяги: синяя джинсовая куртка, синие джинсы. В тот раз, когда Том увидел его впервые, – это было после полудня, когда он открывал ворота знакомому, – паренек стоял под большим платаном напротив дома, но при виде Тома оставил свой пост и быстро зашагал по дороге в противоположном от Вильперса направлении. Уж не следил ли он за домом, изучая привычки его обитателей с целью ограбления? Этого еще недоставало, как будто мало ему на сегодня жуков-древоточцев! Чепуха какая-то! Надо выбросить все это из головы.

Том помешал кофе, сделал глоток, снова посмотрел на паренька и поймал устремленный на него взгляд. Тот мгновенно опустил глаза и подвинул к себе бокал с пивом.

– Только послушайте, месье Тома! – перегнувшись через стойку, проговорила Мари громким шепотом, едва различимым среди какофонии звуков, производимой только что включенным музыкальным автоматом. – Видите американца? – продолжала она, указывая большим пальцем на юношу. – Говорит, будто приехал сюда на летние заработки. Ха-хч! – Она хрипло расхохоталась. То ли ее страшно позабавила сама идея, будто американец способен заниматься физическим трудом, то ли она хотела таким образом дать понять, что во Франции работы не найти – сплошная безработица. – Хотите с ним познакомиться?

– Нет, спасибо, – ответил Том. – У кого он работает?

Мари недоуменно пожала плечами и переключила внимание на очередного посетителя.

– А пошел ты сам знаешь куда! – бросила она другому алчущему и отвернула кран пивного бочонка, чтобы наполнить бокал.

Том стал думать об Элоизе и о запланированном ими путешествии в Америку. На этот раз надо обязательно повезти ее в Новую Англию, в Бостон с его знаменитым рыбным рынком, Залом независимости, Молочной и Хлебной улицами. Это был его родной город, хотя теперь

Том едва ли сможет его узнать. Доброе старое время. Жалкий ежегодный подарок от тетушки Дотти в виде чека всегда на одну и ту же сумму – 11 долларов 79 центов... Тетка умерла, завещав ему десять тысяч, но не свой чопорный, захламленный домишко, что было бы Тому гораздо приятнее. Во всяком случае, он сможет показать Элоизе дом, в котором вырос, – хотя бы только снаружи. Скорее всего, он достался в наследство детям теткойной сестры, потому что своих детей у Дотти не было. Том положил на стойку семь франков за кофе и сигареты и, подняв глаза, заметил, что парень в синей куртке тоже расплачивается. Он достал из пачки сигарету, пожелал всем вместе и никому в отдельности доброго вечера и вышел.

Уже совсем стемнело. Том пересек главную улицу и свернул на другую, более темную, на которой в каких-нибудь трехстах ярдах находился его дом. Улица была почти прямая, широкая и мощеная, Том изучил ее достаточно хорошо и тем не менее обрадовался проезжавшей мимо машине, фарами осветившей левую сторону дороги – как раз ту, по которой он двигался к дому. Машина скрылась, и Том услышал позади себя быстрые, легкие шаги. Он обернулся.

В свете фонарика, который был в руках незнакомца, Том увидел синие джинсы и теннисные туфли. Мальчишка из бара.

– Мистер Рипли!

– Что вам нужно? – настороженно отозвался Том.

– Добрый вечер.

Парень остановился, и Том услышал запинаящийся голос:

– Меня зовут Б-билли Роллинс. Раз уж у меня есть фонарь, можно я провожу вас до дома?

Сквозь темноту Том смутно разглядел широкоскулое лицо, темные глаза. Ростом паренек был чуть пониже его и держался почтительно.

Попытка ограбления? Или у него сегодня просто нервы разгулялись? В кармане – всего-то две-три десятифранковые купюры, но схватка в темноте не вызывала у Тома ни малейшего энтузиазма.

– Спасибо, но это ни к чему, – ответил он. – Мой дом совсем рядом.

– Я знаю. Мне все равно в вашу сторону.

Том с опаской поглядел в темноту и двинулся вперед.

– Вы американец? – спросил он.

– Так точно, сэр, – ответил паренек. Он старался держать фонарик так, чтобы было удобно им обоим, но при этом больше смотрел на Тома, чем на дорогу. Том держался от него на некотором расстоянии и вынул руки из карманов, чтобы защитить себя в случае нападения.

– На каникулах?

– Что-то вроде того. И немного подрабатываю. Садовником.

– Да? И где же?

– В Море, в частном доме.

Том пожалел, что в это время на дороге не было ни одной машины, – в свете фар он смог бы по выражению лица определить, что на уме у его спутника. Голос его звучал напряженно, а это был тревожный знак.

– Чей именно дом вы имеете в виду?

– Мадам Жанны Бутен, Рю-де-Пари, восемьдесят семь, – быстро ответил юноша. – У нее довольно обширный сад. Много плодовых деревьев, но я-то в основном занимаюсь прополкой и стрижкой газонов.

Том нервничал. Пальцы его невольно сжались в кулаки.

– Ночуете в Море?

– Да. У хозяйки маленький домик в саду. Там есть и кровать, и водопровод. Правда, горячей воды нет, но летом это не так уж важно.

– Парижу вы предпочли провинцию? Как это непохоже на американца! – с искренним удивлением заметил Том. – А где вы живете в Штатах?

– В Нью-Йорке.

– Сколько вам лет?

– Скоро девятнадцать.

Том дал бы ему меньше.

– А у вас есть разрешение на работу?

Впервые с момента встречи паренек улыбнулся:

– Нет. У нас устная договоренность. Я получаю пятьдесят франков в день. Знаю, это меньше, чем полагается, зато мадам Бутен предоставляет мне жилье. Однажды она даже пригласила меня на ланч. Всегда можно купить хлеб, сыр и перекусить в коттеджике или же пойти в кафе.

Судя по выговору, паренек явно получил хорошее воспитание, более того – правильно произнесенная фамилия владелицы дома указывала на то, что и французский ему знаком.

– И давно вы так живете? – по-французски спросил Том.

– Шесть дней, – на том же языке ответил юноша.

Том увидел впереди склонившийся над дорогой старый вяз и облегченно вздохнул: это означало, что до ворот его дома осталось всего каких-нибудь пятьдесят шагов.

– Что вас привело в эти края?

– Ну, может быть, то, что здесь, в окрестностях Фонтенбло, много зелени. Я люблю бродить по лесу. И от Парижа недалеко. Я пожил в Париже неделю, походил, посмотрел.

Том замедлил шаг. Любопытно, отчего паренек заинтересовался им настолько, что даже выяснил, где он живет.

– Давайте-ка перейдем на другую сторону, – сказал он.

До бежевой полосы гравия, освещенной лампой над парадной дверью особняка, было теперь несколько ярдов.

– Как получилось, что вы даже знаете, где я живу? – спросил Том.

По тому, как юноша опустил голову, по тому, как дрогнул свет фонарика, Том понял, что его вопрос привел того в замешательство.

– Это вас я видел вот тут у дороги дня два-три назад, верно?

– Верно, – тихо ответил паренек. – Я встречал ваше имя в газетах – еще в Америке и, раз уж оказался рядом с Вильперсом, решил посмотреть на ваш дом.

«Так-так, в газетах, значит. Только зачем ему это понадобилось?» – подумал Том. Он, разумеется, знал, что в Штатах на него заведено досье.

– Велосипед в деревне оставили?

– Нет.

– А как же вы сегодня собираетесь добраться до Море?

– Автостопом. Или пешком.

Семь километров?! С чего бы это пускаться в столь долгий путь после девяти вечера, если тебе не на чем добраться домой?

Слева от парадных дверей слабо светилось окно: значит, экономка мадам Аннет уже у себя в комнате, но еще не легла.

– Можете, если хотите, зайти и выпить еще кружечку пива, – предложил Том, берясь за неплотно прикрытую створку кованых ворот.

Юноша сдвинул темные брови, прикусил нижнюю губу и опасно взглянул на парные башенки, украшавшие фронтон Бель-Омбр, будто ему предстояло принять решение чрезвычайной важности.

– Я... – начал он и запнулся.

Недоумение Тома возросло.

– У меня машина. Я потом сам отвезу вас в Море, – сказал он.

Паренек молчал. В чем дело? Может, на самом деле он вовсе и не живет в Море?

– Благодарю вас, хорошо, я зайду на минутку, – наконец ответил юноша.

Они прошли через ворота. Том их прикрыл, но не стал запирасть, оставив большой ключ в замке с внутренней стороны. Ночью его обычно прятали под кустом рододендрона рядом с оградой.

– К жене приехала подруга, – сказал Том, – но мы можем выпить пива на кухне.

Парадные двери оказались тоже незапертыми. В гостиной горел свет, но Элоиза и Ноэль, очевидно, уже поднялись наверх. Обычно Ноэль с Элоизой болтали до глубокой ночи либо в комнате для гостей, либо у Элоизы в спальне.

– Что будете пить – кофе или пиво?

– Как тут мило! – сказал юноша, оглядывая гостиную. – Вы умеете играть на клавесине?

– Беру уроки два раза в неделю, – с улыбкой ответил Том. – Пойдемте же на кухню.

Том свернул налево, и через холл оба они прошли в кухню. Том зажег свет и достал из холодильника упаковку «Хейнекена».

– Есть хотите? – спросил Том, заметив на полке холодильника остатки ростбифа, завернутые в фольгу.

– Спасибо, нет, сэр.

Там, в гостиной, взгляд юноши задержался на двух картинах: одна – «Мужчина в кресле» – висела над камином, другая, чуть поменьше, кисти Дерватта под названием «Красные стулья», – на стене возле большого, до пола, окна. Паренек почти сразу отвел взгляд от картин, однако же это не ускользнуло от внимания Тома. Странно – почему он заинтересовался именно Дерваттом, а не большей по размеру, выполненной в ярких сине-красных тонах картиной кисти Соутена, которая висела над клавесином?

Том жестом пригласил гостя присесть на диван.

– В этих рабочих штанах? Нет-нет, они слишком грязные, – отозвался подросток. Диван был обит желтым шелком. Кроме него в кухне стояло еще несколько простых деревянных стульев, но Том предложил пройти прямо к нему в комнату. С упаковкой пива и открывалкой в руках он стал подниматься по витой лестнице. Паренек послушно следовал за ним. Дверь в комнату Ноэль была открыта, там горел свет, но никого не было, зато из-за неплотно прикрытой двери, ведущей на половину Элоизы, доносились смех и веселые голоса. Том повернул налево, к себе, и включил свет.

– Вот мой стул, он деревянный, – предложил Том. Он выдвинул на середину комнаты стул с подлокотниками, стоявший у письменного стола, и стал открывать бутылки с пивом.

Юноша задержался взглядом на квадратном комоде времен Веллингтона². Крышка и окованные медью углы комода, шишечки его выдвижных ящиков сияли, как зеркало, начищенные неутомимой мадам Аннет.

Паренек с одобрением покачал головой. У него было красивое, правда, чуть-чуть угрюмое лицо и решительный, хорошо очерченный подбородок.

– Да, неплохо вы тут устроились! – протянул он то ли с насмешкой, то ли с легкой завистью.

Уж не собрал ли мальчишка о нем подробные сведения, после чего решил, что он аферист?

– Собственно, отчего бы и нет? – отозвался Том и, передавая ему бутылку, добавил: – Извините, про стаканы я забыл.

– Вы не против, если я сначала вымою руки? – спросил подросток с чопорной учтивостью.

– Разумеется, нет. Сюда, пожалуйста, – ответил Том и включил свет в ванной комнате.

² *Веллингтон Артур Уэлсли* (1769–1852), герцог – британский полководец, главнокомандующий союзными войсками в войне с Наполеоном, победитель в битве при Ватерлоо.

Его юный гость склонился над раковиной и целую минуту оттирал и отмывал руки. Дверь он оставил открытой и вернулся, довольно улыбаясь.

– Так-то лучше! Горячая вода – это вещь! – сказал он.

У него были хорошие, крепкие зубы, по-детски свежие губы, прямые каштановые волосы.

– Чем это там пахнет? – спросил он, берясь за бутылку. – Это грунтовка? Вы что – занимаетесь живописью?

– Временами, – со смешком ответил Том. – Только сегодня я просто морил древоточцев, которые завелись в полках. (Ну уж нет – он ни за что не будет развивать эту тему!)

Когда паренек опустил на стул, Том спросил:

– Как долго вы собираетесь оставаться во Франции?

– Приблизительно месяц, – после некоторого раздумья ответил паренек.

– А потом что? Вернетесь в колледж? Вы ведь учитесь в колледже?

– Пока нет. И не уверен, что мне этого хочется. Я должен еще подумать.

Он запустил пальцы в волосы и попытался зачесать их на левый висок, но отдельные волоски на макушке упрямо топорщились. Изучающий взгляд Тома его явно смутил, и он поспешно сделал глоток пива. Том заметил крошечное пятнышко, вернее, родинку на правой щеке паренька.

– Хотите принять горячий душ? Пожалуйста! – сказал Том.

– О нет, спасибо. Я, наверное, выгляжу не очень-то опрятно, но я прекрасно отмываюсь холодной водой.

Подросток наклонился, чтобы поставить на пол пустую пивную бутылку, и его внимание привлекло что-то в корзинке для мусора.

– «Фонд приюта для четвероногих», – прочел он вслух надпись на выброшенном конверте. – Интересно! Вы сами бывали в этом фонде?

– Нет. Время от времени они присылают нам ксерокопированные письма с просьбой о пожертвованиях. А что?

– Видите ли, на этой неделе я как-то прогуливался по лесной проселочной дороге к востоку от Море и встретил пару – мужчину и женщину, которые интересовались, не знаю ли я, где именно находится этот приют, поскольку, как им кто-то сказал, он должен располагаться именно в этих местах – где-то возле Вену-Ле-Саблона. Уже несколько часов эта пара блуждала в поисках. Им хотелось взглянуть на приют, потому что они несколько раз посылали туда деньги.

– В своих посланиях организаторы сообщают, что просят жертвователей воздержаться от посещений, так как появление посторонних нервнрует животных, – стал объяснять Том. – Они стараются найти новых хозяев для своих питомцев через почту, а затем расписывают, какое счастье обрела кошечка или собачка на новом месте. – Том иронически улыбнулся, вспомнив о том, какой дешевой сентиментальностью веяло от всех этих историй.

– Вы тоже посылали им деньги?

– Да, несколько раз – франков по тридцать.

– По какому адресу?

– Кажется, в Париж на номер почтового ящика.

Теперь улыбнулся Билли.

– Вот было бы забавно, если бы оказалось, что этого приюта на самом деле вовсе не существует! – воскликнул он.

– А что? Вполне может быть, что сбор пожертвований – просто афера. Как мне это самому не пришло в голову? – весело произнес Том и откупорил еще две бутылки.

– Можно взглянуть? – спросил Билли, имея в виду конверт.

– Отчего же нет? Пожалуйста.

Билли вытащил из конверта несколько страниц размноженного текста, пробежал их глазами и громко прочел:

– «Прелестное маленькое создание вполне заслужило рай... райское местечко, ниспосланное ему провидением с нашей помощью». Это про котенка. А вот еще: «Сегодня у порога приюта был подобран терьер... фокстерьер, каштановый с белыми пятнышками... в крайней степени истощения. Чтобы спасти его, срочно требуются инъекции пенициллина, а также других поддерживающих препаратов...» Интересно все-таки, где же именно находится этот замечательный «порог»? – протянул паренек. – Что, если все это – чистое надувательство? – Последнее слово он произнес, словно бы смакуя. – Я бы, пожалуй, потратил время на то, чтобы отыскать этот приют – если, конечно, он существует. Мне любопытно!

Том посмотрел на него с удивлением: впервые с момента их встречи Билли... как его там? – Роллинс проявил к чему-то искренний живой интерес.

– Париж, восемнадцатый округ, до востребования, почтовый ящик номер двести восемьдесят семь, – прочел Билли адрес на конверте. – Вот бы узнать, в каком именно почтовом отделении восемнадцатого округа есть ящик под этим номером, – продолжал он размышлять вслух. – Можно мне взять конверт, вы все равно его выбросили?

Тома поразило столь неожиданное рвение. Откуда у этого юнца такая тяга к разоблачению мошенничества?

– Вам что – самому случалось стать жертвой обмана?

У Билли вырвался короткий смешок. По выражению его лица можно было предположить, будто он пытается вспомнить, бывало с ним такое или нет.

– Пожалуй, нет, – наконец ответил он. – Во всяком случае, не в чистом виде.

«Возможно, его просто когда-то обманули», – подумал Том, но не стал допытываться, а вместо этого сказал:

– Было бы занятно послать этим людям письмо, дескать, мы вас раскусили – вы наживаетесь за счет несуществующего приюта, так что не удивляйтесь, если у почтового ящика вас будет поджидать полиция, – и подписаться вымышленными именами.

– Лучше их не предупреждать, – с энтузиазмом подхватил паренек, – а выследить и нагрянуть неожиданно! Представляете – вдруг окажется, что это парочка бандитов, которые снимают шикарную квартиру! Их можно вычислить – по номеру почтового ящика!

В этот момент в дверь постучали. Том поднялся и подошел к дверям. В холле стояла Элоиза. Поверх пижамы на ней была легкая индийская шаль.

– Ах, оказывается, ты не один! – сказала она. – Я слышала голоса, но думала, что это радио!

Том взял ее за руку и потянул за собой в комнату.

– Знакомьтесь – Элоиза, моя жена, – сказал он.

– Билли Роллинс, к вашим услугам, мадам. Счастлив познакомиться, – вскочив на ноги, по-французски отозвался паренек с учтивым поклоном.

– Билли трудится в Море в качестве садовника, – переходя на родной язык Элоизы, пояснил Том. – Он из Нью-Йорка. А ты хороший садовник, Билли? – полушутя спросил он.

– Во всяком случае, я стараюсь, – потупясь, ответил Билли и аккуратно поставил пустую бутылку на пол, рядом с письменным столом.

– Надеюсь, ваше пребывание во Франции будет приятным, – весело отозвалась Элоиза, но при этом успела окинуть незнакомца внимательным взглядом. – Я только хотела пожелать спокойной ночи, Тома. Завтра с утра мы с Ноэль собираемся сначала заглянуть в антикварный магазин на Паве-де-Руа и потом пообедать в Фонтенбло в «Черном орле». Хочешь к нам туда подъехать?

– Спасибо, милая, но навряд ли. Развлекайтесь без меня. Я ведь еще успею увидеться с вами обеими утром, не так ли? Спокойной ночи и приятных сновидений. – Том поцеловал

Элоизу в щеку и добавил: – Я отвезу Билли домой, так что не тревожься, если вернусь за полночь. Я запру двери и ворота, когда буду уезжать.

Билли долго отказывался, уверяя, что его обязательно кто-нибудь подбросит, но Том настоял на своем: ему хотелось убедиться воочию, что дом на Рю-де-Пари действительно существует.

– Значит, твоя семья живет в Нью-Йорке, – сказал Том, когда они сели в машину. – Можно полюбопытствовать, чем занимается твой отец?

– Он? Электроникой. Я хочу сказать, они там делают измерительные приборы. Чтобы все измерять с помощью электроники. Он один из менеджеров компании.

Том сразу понял, что мальчишка лжет.

– У тебя хорошие отношения с родителями?

– Да-да. Они...

– Вы переписываетесь?

– Ну да. Они знают, где я.

– А куда собираешься после Франции? Домой?

После непродолжительной паузы Билли ответил:

– Может, поеду в Италию. Еще не решил.

– Мы правильно едем? Куда теперь – сюда?

– Нет, в противоположную сторону, – поспешно сказал паренек, – но улица та самая.

Вскоре они остановились у довольно скромного, средних размеров дома, погруженного в полную темноту.

За низкой белой стеной, ограждавшей его от тротуара, смутно виднелся сад, сбоку – запертые на ночь ворота.

– Это мой личный ключ, – сказал Билли, доставая его из кармана куртки. – Главное – не шуметь. Большое вам спасибо, господин Рипли.

Когда он уже открывал дверцу машины, Том произнес:

– И не забудь рассказать мне все, что раскопаешь насчет приюта для бедненьких животных.

– Непременно, сэр, – ответил с улыбкой паренек.

Том наблюдал, как он подошел к темным воротам, светя себе фонариком, повернул ключ в замке, затем обернулся и помахал на прощанье. Когда Том развернул машину назад, то явственно различил над парадной дверью дома синюю металлическую табличку с номером 78.

«Странно, – подумал он. – Зачем парню понадобилась такая скучная работа, пускай даже ненадолго? Разве что... разве что он от кого-то или от чего-то прячется?» Однако Билли не был похож на хулигана «Скорее всего, – решил про себя Том, – мальчишка просто поскаandalил с родителями, или же его бросила девушка, и он решил уехать подальше, чтобы позабыть обо всем».

Том был уверен, что у этого Билли есть на что жить и ему вовсе не обязательно гнуть спину за пятьдесят франков в день.

2

Тремя днями позже Том и Элоиза сидели за завтраком в гостиной и просматривали корреспонденцию – письма и газеты, которые доставили с утренней почтой в девять тридцать. Для Тома это была уже вторая чашка кофе, первую мадам Аннет подала ему еще около восьми вместе с чаем для Элоизы. Всю ночь небо хмурилось, видимо, надвигалась буря. Предгрозовое состояние атмосферы заставило Тома проснуться еще до восьми, то есть до появления мадам Аннет. Теперь же, около десяти, за окном зловеще потемнело и уже слышались отдаленные раскаты грома.

– Открытка от Клеггов! – воскликнула Элоиза. – Из Норвегии – подумать только! Они совершают северный круиз – помнишь? Взгляни, Том, ну разве это не прелесть?

Том поднял глаза от «Интернейшнл геральд трибьюн» и взял из рук Элоизы открытку. На ней был изображен белый пароход, плывущий по фьорду. Холмистые берега покрывала ярко-зеленая травка. На переднем плане, в излучине фьорда, виднелось несколько уютных коттеджей.

– Похоже, там глубоко, – заметил Том, которому непонятно отчего вдруг пришла в голову мысль о том, как мучительно тонуть. Он боялся глубины, терпеть не мог плавать и часто думал о том, что его конец каким-то образом будет связан с водной стихией.

– Прочти-ка, что они пишут.

Текст был на английском, и в конце стояли подписи обоих супругов – Ховарда и Розмэри. Англичане Клегги были их соседями и жили всего в пяти километрах от Бель-Омбр.

– «Здесь просто божественно – такая тишина! – стал читать вслух Том. – Для соответствующего настроения все время ставим пластинки с музыкой Сибелиуса³. Сейчас полночь, но солнце светит, как днем, так „жаль, что вы не здесь, рядом с нами!“».

Том перестал читать, и тут же раздался оглушительный треск электрических разрядов. Гром гремел и урчал, как потревоженный сторожевой пес.

– Ну и достанется нам сегодня, – заметил Том. – Надеюсь, что георгины устоят. – На всякий случай он их все-таки заранее привязал к палочкам.

– Что ты так нервничаешь? – спросила Элоиза, забирая у него открытку. – Можно подумать, у нас до этого не бывало гроз. Я, наоборот, даже рада, что она грянет сейчас, а не вечером. Сам знаешь, сегодня я должна быть у папы в Шантильи.

Разумеется, Том это знал. Еженедельно по пятницам родители Элоизы ожидали их к ужину, и Элоиза старалась не нарушать этой договоренности. Том сопровождал ее далеко не каждый раз. Он предпочитал не ездить. Они были людьми чопорными и скучными – не говоря уже о том, что относились к нему довольно прохладно. Том находил забавным то, как Элоиза всегда говорила, что отправляется к папе, а не к родителям. Разумеется, ведь деньжатами распоряжается именно папенька! Из двоих супругов мамаша была более щедрой и мягкой по натуре. Том, однако, очень сомневался, что в критической ситуации – если Том почему-либо переступит границы дозволенного (что едва не произошло во время истории с Бернардом и американцем Мёрчисоном из-за картин Дерватта) – у мамочки хватит духу не позволить папаше Плиссону лишить их финансовой дотации. Именно эта дотация позволяла им должным образом содержать Бель-Омбр...

Том закурил и со страхом и радостным волнением стал ждать очередной яростной вспышки молнии. Ему снова вспомнился папаша Жак Плиссон – пухлый напыщенный человек, который благодаря тугому кошельку мог управлять судьбами, словно новоявленный колесничий упряжкой коней. Жаль, конечно, что деньги обладают такой силой, но тут уж ничего не поделаешь.

– Еще чашечку кофе, месье Тома?

Возле его кресла стояла мадам Аннет. Серебряный кофейник едва заметно подрагивал в ее руках.

– Спасибо, пока достаточно, мадам Аннет, но кофейник оставьте, может быть, я выпью через некоторое время.

– Пойду проверю окна, – сказала экономка, опуская кофейник на подставку посередине стола. – Как темно! Наверное, гроза будет сильная.

Она взглянула на него из-под тяжелых полуопущенных век своими синими глазами, на мгновение их взгляды встретились, но она тут же торопливо направилась к лестнице. Том подо-

³ Сибелиус Ян (Юхан) (1865–1957) – крупнейший финский композитор, автор симфонических и камерных произведений.

зревал, что она уже проверяла окна – может быть, даже не один, а два раза. Сделать это лишний раз ей было приятно, и Том оценил ее внимательность. Ему не сиделось на месте, он встал, подошел к окну, где было чуть больше света, и развернул «Дейли трибьюн» на странице с объявлениями о всякого рода новостях. Так-так... Фрэнк Синатра очередной раз заявляет о намерении окончательно распрощаться со сценой – теперь, после выхода на экраны фильма с его участием.

А вот еще: «Фрэнк Пирсон, горячо любимый сын покойного магната пищевой промышленности (производство деликатесов), исчез из родного дома (в штате Мэн). Его семья крайне обеспокоена.

В течение трех недель от него нет никаких вестей. После смерти отца (в июле) Фрэнк находился в глубокой депрессии».

Том припомнил сообщения об этом событии. Даже лондонская «Санди таймс» уделила Пирсону несколько десятков строк: подобно сенатору от Алабамы Джорджу Уоллесу⁴, Джон Пирсон не мог передвигаться без инвалидного кресла, поскольку некто – и, вероятно, по сходным причинам – пытался его убить. Он был сказочно богат – не так, как Говард Хьюз, но тем не менее его состояние исчислялось сотнями миллионов долларов. Его фирма производила диетические продукты, экологически чистую пищу, еду для гурманов. Тому запомнился этот некролог, особенно в связи с тем, что соответствующие власти так и не пришли к единому заключению об обстоятельствах смерти: то ли он сам решил свести счеты с жизнью, направив кресло со скалы прямо под откос, то ли это был несчастный случай. С этой скалы Джону Пирсону нравилось наблюдать закат, и он категорически отказывался поставить там ограду – она испортила бы вид на море.

Кррэ-кк. Трах-та-рахах!

Том отпрянул от оконного стекла и расширенными глазами посмотрел в сторону оранжереи – уж не разбились ли там стекла?!

От внезапного порыва что-то забренчало-загрохотало по крыше. «Наверное, просто ветка», – с опаской подумал Том. Равнодушная к буйству стихий, Элоиза просматривала в это время новый журнал.

– Мне пора одеваться, – проговорил Том. – Надеюсь, ты сегодня ни с кем не договаривалась встречаться за ланчем?

– Нет, милый. До пяти я никуда не выйду. Да не волнуйся ты по пустякам. Дом вполне надежен и не собирается разваливаться.

Том согласно кивнул, но, когда вспышки молнии озаряли все вокруг, ему становилось не по себе. Он поднялся наверх, принял душ и стал бриться. «Прибрал бы поскорее Господь папашу Плиссона», – подумалось ему. Не то чтобы им с Элоизой требовалось больше денег – совсем нет! Просто он донельзя раздражал Тома (то есть выступал в классическом амплуа стервы-тещи), да еще к тому же был сторонником этого Ширака...

Уже одетый, Том чуть приоткрыл боковое окно. Ему в лицо ударил влажный ветер. Он с наслаждением вдохнул полной грудью, но тут же захлопнул окно. Какой упоительный воздух! Пахло дождем и сухой землей. Том прошел в комнату Элоизы. Там окна были плотно закрыты, и по ним со свистящим звуком струилась вода. Мадам Аннет поправляла покрывало на их широкой супружеской постели.

– Теперь все в полном порядке, месье Тома, – проговорила она, заботливо поправила подушки и выпрямилась. Ей было далеко за шестьдесят, но выглядела она значительно моложе. Глядя на энергичные движения ее невысокого ловкого тела, Том от всей души надеялся, что впереди у нее еще много лет активной жизни.

⁴ Уоллес Джордж – американский политик середины XX века, известный своими расистскими взглядами, приверженец расовой сегрегации.

– Хочу быстренько проверить, как там в саду, – сказал Том.

Он сбежал вниз, открыл входную дверь и поспешил к цветнику за домом. Воткнутые им возле георгинов палочки стояли крепко, веревочки не развязались. Правда, головки «Алых лучей» отчаянно мотало ветром, но ни им, ни любимцам Тома, игольчатым оранжевым георгинам, ничего не грозило.

Свинцовое небо на юго-западе озарила вспышка молнии, и Том замер под дождем, ожидая очередного громового раската. Наконец он грянул – зловещий, скрежещущий и глухой.

Что, если мальчишка, встретившийся ему недавно, и есть тот самый Фрэнк Пирсон? И возраст подходит, он выглядел скорее на шестнадцать, чем на девятнадцать. Правда, мальчишка говорил, что он из Нью-Йорка, а не из Мэна. А впрочем, не публиковала ли «Геральд» фотографию всего семейства в связи со смертью старика? Фотография самого Джона Пирсона, разумеется, была, но Том абсолютно не помнил, как он выглядел. Или Том видел ее в «Санди таймс»? Зато мальчишку, который увязался за ним три дня назад, Том запомнил лучше, чем обычно запоминал незнакомых людей. У него было не улыбочное, даже, пожалуй, мрачноватое выражение лица, решительный, плотно сжатый рот, прямые темные брови. Ах да! – еще родинка на правой щеке – не настолько крупная, чтобы быть заметной на фотографии, и все же – примета. Парнишка держался не просто вежливо, но был все время настороже.

– Тома! Иди же скорей в дом! – крикнула из окна Элоиза. – Или ты хочешь, чтобы в тебя ударила молния?

– Я совсем не промок, – отозвался Том, вытирая о коврик ноги в высоких ботинках со шнуровкой. – Просто задумался.

– О чем? Вытри волосы, – сказала она, подавая ему полотенце.

– Сегодня у меня урок. Роже придет в три. Надо разучить сонатину Скарлатти. Буду заниматься сейчас и после ланча – тоже.

Элоиза улыбнулась. В отблесках дождя зрачки ее серо-голубых глаз, казалось, излучали фиалковое сияние, которое Том просто обожал. Может быть, именно для усиления эффекта она и надела сегодня лавандового цвета платье? Вряд ли. Просто удачное совпадение.

– Я как раз собиралась позаниматься, – продолжала Элоиза по-английски, ученически тщательно выговаривая слова, – когда увидела, как ты, словно идиот, стоишь под дождем посреди лужайки.

Она села на стульчик перед клавишником, выпрямила спину и потрясла кистями рук. «Прямо как настоящий профессионал», – подумал Том. Он прошел на кухню. Стоя на деревянном трехногом табурете, мадам Аннет наводила порядок в верхней части кухонного буфета. Одну за другой она методично перетирала баночки и бутылочки со специями. Для приготовления к ланчу было еще слишком рано, а поход за покупками в деревенскую лавку она отложила из-за дождя.

– Я хочу найти кое-что в старых газетах, – сказал Том, наклоняясь к корзине с ручкой и крышкой, где хранились газеты. Она стояла в углу коридорчика, который вел в комнаты мадам Аннет.

– Вы ищете что-то определенное, месье? Вам помочь?

– Спасибо, я справлюсь. Одну минуту. Похоже, мне нужны американские газеты, – рассеянно говорил он, перебирая июльские номера «Геральд трибьюн». Весь вопрос в том, где было опубликовано это сообщение – в отделе некрологов или в новостях. У Тома осталось смутное воспоминание, что текст с фотографией располагался наверху первой страницы, в левой колонке. В корзине нашлось всего десять номеров за июль, остальные отсутствовали. Том поднялся к себе и нашел там еще несколько номеров, но ни в одном из них не обнаружил упоминания о Джоне Пирсоне.

До слуха Тома донеслись звуки инвенции Баха. Элоиза играла прекрасно. Уж не завидует ли он? Тому стало смешно. Можно не волноваться: наверняка сонатина Скарлатти в его испол-

нении заслужит у их общего учителя, месье Роже Лепти, не меньше похвал, чем инвенция Баха в исполнении Элоизы! Том и в самом деле рассмеялся вслух. Уперев руки в бока, он с разочарованием посмотрел на кучку газет на полу. Он решил попытать счастья со справочником «Who is who» и через коридор прошел в комнату под башенкой, которая служила им библиотекой. Он снял с полки английский справочник, но там не было упоминания о Джоне Пирсоне.

Тогда он достал том, опубликованный несколькими годами раньше в Штатах. Снова неудача. Правда, оба справочника были более чем пятилетней давности, к тому же Джон Пирсон вполне мог оказаться одним из тех типов, которые отказываются сообщить какие-либо данные о себе.

Умеренно громкий финальный аккорд инвенции прозвучал в третий раз.

Любопытно, заглянет ли к нему снова тот паренек... Том думал, что да, заглянет.

После ланча Том разучивал сонатину Скарлатти. Теперь ему хватало усидчивости на полчаса и более – не то что несколько месяцев назад, когда каждые пятнадцать минут приходилось делать перерыв и гулять по саду. Роже Лепти⁵, фамилия которого находилась в полном противоречии с его внешностью – это был высокий, полный мужчина с кудрями и в очках, за что Том окрестил его французским Шубертом, – однажды заметил, что садовые работы губительны для рук музыканта. Том не пожелал бросать любимое занятие, но пошел на компромисс: сложные работы вроде удаления мучнистой росы он целиком возложил на приходящего садовника Анри. К тому же он вовсе не собирался становиться музыкантом-профессионалом и давать концерты. Хочешь ты этого или не хочешь, но вся жизнь состоит из компромиссов.

Четверть пятого.

– Здесь легато!⁶ – произнес Роже Лепти. – Легато на клавишине требует особой тщательности и чистоты...

Том сосредоточил все внимание на том, чтобы, не напрягаясь, чисто, но достаточно бегло исполнить трудный пассаж.

Зазвонил телефон. Со вздохом облегчения Том извинился и встал. Элоиза уже закончила играть и теперь одевалась у себя наверху для визита к папá.

Том не стал подниматься, он снял трубку вниз и услышал голос Билли: тот говорил с Элоизой, которая подошла к телефону раньше Тома.

– Добрый день, мистер Рипли, – робко произнес Билли. – Я тут съездил в Париж. Насчет этого приюта – помните? Получилось... любопытно.

– Ты что-нибудь выяснил?

– Немного... Я подумал, раз это вам интересно, может, я заеду к вам ненадолго сегодня где-то около семи?

– Сегодня? Хорошо, приезжай.

Их разъединили прежде, чем Том успел спросить, как он собирается добраться до Бель-Омбр. Впрочем, он же находил способы добираться до их дома прежде. Том повел плечами, сел за клавишину, выпрямил спину и начал играть. Ему показалось, что на сей раз соната-пикколо Скарлатти у него звучала гораздо лучше.

– Исполнено бегло, – сказал Роже Лепти. В его устах эта похвала дорогого стоила.

После полудня ярость стихий улеглась, и теперь промытый дождем сад сиял в лучах вечернего солнца. Элоиза уехала, пообещав вернуться не позже полуночи. До Шантильи было около полутора часов езды, к тому же, пользуясь тем, что отец уже в десять тридцать отправлялся ко сну, они с матерью обычно после ужина проводили какое-то время за разговорами.

– В семь я жду Билли Роллинса – паренька-американца, – предупредил жену Том.

– Ах да, того, которого ты приводил недавно?

⁵ Малыш (*фр.*).

⁶ Связно (*ит.*), переход от одного звука к другому без перерыва (*муз.*).

– Я его чем-нибудь покормлю. Возможно, когда ты вернешься, он еще будет здесь. Элоизе это было неинтересно.

– До скорого, Тома! – прощепетала она, беря в руки букетик махровых, с длинными стеблями маргариток. В центре букета красовался пион – один из последних в этом сезоне.

Поверх юбки с блузкой она предусмотрительно накинула дождевик.

Том начал слушать семичасовые новости, когда у ворот позвонили. Он заранее известил мадам Аннет о том, что в семь к нему придут, но теперь опередил ее, сказав, что встретит гостя сам.

Билли Роллинс уже миновал распахнутые ворота и по гравиевой дорожке приближался к парадным дверям. На этот раз на нем были шерстяные брюки, рубашка и пиджак. Под мышкой он держал плоский пластиковый пакет.

– Добрый вечер, мистер Рипли, – улыбаясь, поздоровался он.

– Здравствуй. Каким образом ты умудрился так точно рассчитать время?

– Взял такси. Я сегодня шикаю, – отозвался подросток, тщательно вытирая ноги. – А это вам.

Том развернул пакет и вынул пластинку. Это оказались «Песни» Шуберта в исполнении Фишера-Дискау⁷ – новая запись, которую Том недавно слышал.

– Большое спасибо, Билли. Это, как говорится, именно то, что нужно. Я вполне серьезно.

В отличие от прошлого раза, Билли был одет безупречно. Вошла мадам Аннет, чтобы узнать, не нужно ли что-нибудь принести. Том представил ей Билли и, предложив ему сесть, осведомился, желает ли он пива или предпочитает что-нибудь другое. Мадам Аннет вышла, чтобы к обычным аперитивам добавить пиво, и Том объяснил, что жена, как обычно по пятницам, ужинает нынче у родителей.

На сей раз мадам Аннет решила приготовить для Тома джин с тоником и кусочком лимона. Домашнее хозяйство было истинным призванием мадам, и у Тома никогда не было причин жаловаться на ее эксперименты с напитками.

– У вас сегодня был урок музыки? – спросил Билли, заметив на раскрытом клавесине нотный альбом.

– Да. Я играл Скарлатти, а жена – инвенцию Баха. Это гораздо интереснее, чем послеобеденный бридж, – отозвался Том. Он был рад, что Билли не попросил его что-нибудь сыграть. – Ну а теперь рассказывай про свой парижский вояж. Как там поживают наши четвероногие друзья?

– Значит, так. – Билли закинул голову назад, как бы собираясь с мыслями. – Все утро среды я потратил на то, чтобы убедиться, что этот приют на самом деле не существует. Я пораспрашивал в кафе и в гараже. Там сказали, что несколько человек до меня уже интересовались этим приютом, но им про него ничего не известно. Я даже был в местном полицейском участке в Вену. Там тоже ничего о нем не слышали, и на местной карте ничего подобного не обозначено. Даже в гостинице узнавал – все впустую.

Наверное, он имел в виду отель «Гранд Вену» – «Большая охота». Почему-то это название ассоциировалось у Тома с большим капканом. «Придет же такое в голову!» – подумал он с кривой усмешкой.

– Да, похоже, у тебя была напряженная среда, – вслух сказал он.

– Еще бы! Во второй половине дня я, как обычно, еще работал часов пять-шесть в саду мадам Бутен, – ответил Билли и отхлебнул пива. – В четверг, то есть вчера, я поехал в Париж и посетил восемнадцатый округ. Начал со станции метро «Лез Абесс» и добрался до площади Пигаль. Там в почтовых отделениях стал спрашивать, не у них ли зарегистрирован ящик за номером двести восемьдесят семь. Все отвечали одно и то же: подобную информацию они не

⁷ Фишер-Дискау Дитрих (1925–2012) – немецкий оперный и камерный певец, баритон.

дают. Тогда я попросил, чтобы мне сообщили хотя бы имя получателя корреспонденции. На мне была обычная рабочая одежда, и я объяснял, что хочу отдать несколько франков в фонд помощи животным – если фонд пользуется этим номером. Они на меня так смотрели, как будто это я был жуликом!

– Ты думаешь, что нашел ту самую почту, где есть именно этот номер?

– Наверняка сказать не берусь. Ни в одном из четырех отделений восемнадцатого округа не признались, что ящик у них имеется, и тогда я сделал, по-моему, верный шаг – он сам собой напрашивался...

Билли выжидательно посмотрел на Тома, словно надеясь, что тот догадается, но Тому не пришлось в голову ничего вразумительного, и он спросил:

– Ну и что же именно ты сделал?

– Купил бумагу, марку, зашел в ближайшее кафе и написал: «Милые защитники животных, ваш приют существует только на бумаге. Я – один из тех, кого вы одурачили. Мне удалось отыскать еще нескольких добросердечных жертв вашего жульничества, так что приготовьтесь – скоро вас навестит полиция».

Билли наклонился вперед, по выражению его лица можно было догадаться, что возмущение нечестностью борется в его душе с радостным азартом. Щеки его порозовели, он старался выглядеть серьезным, но не мог сдержать улыбки.

– И еще я написал, что за их ящиком будет установлено наблюдение.

– Великолепно, – произнес Том. – Будем надеяться, что они струсят.

– Одно почтовое отделение показалось мне наиболее подходящим. Я там покрутился некоторое время, а потом спросил девушку в окошке, часто ли к ним приходят забирать корреспонденцию. Она не пожелала сказать. Не то чтобы она кого-то укрывала, просто они тут во Франции все так себя ведут. Да вы и сами знаете.

Мальчик был прав, Том думал точно так же.

– Когда ты сумел так хорошо их изучить? – спросил он. – Ты и французский знаешь совсем неплохо.

– У нас в школе был французский. И потом года два назад я... то есть мы всей семьей провели лето на юге Франции.

У Тома сложилось другое впечатление: он подозревал, что Билли бывал во Франции часто, возможно, начиная лет с пяти. В обычной американской школе невозможно научиться прилично говорить по-французски.

Он взял с сервировочного столика еще одну банку «Хейнекена», поставил на стол перед Билли и, решив, что пришло время выяснить, где правда, а где ложь, спросил:

– Ты читал заметку о смерти некоего американца – Джона Пирсона? Это произошло около месяца назад.

В глазах подростка мелькнуло изумление, затем он сделал вид, что старается вспомнить.

– Вроде бы я где-то об этом слышал, – пробормотал он.

Том немного подождал, потом сказал:

– Один из его сыновей, тот, которого зовут Фрэнк, исчез. Семья очень встревожена.

– Вот как? Про это я не знал.

Мальчик чуть-чуть побледнел – или Тому это показалось?

– Мне сейчас пришло в голову: а что, если этот беглец – ты?

– Почему я?! – Билли опустил глаза и, держа в руках стакан, чуть подался вперед. – Если бы это было так, то вряд ли я стал бы работать садовником.

Больше он ничего не сказал. Том решил сменить тему.

– Может, поставим новую пластинку? – предложил он. – Кстати, как ты догадался, что я люблю Фишера-Дискау? Из-за моего увлечения клавесином? – проговорил он со смехом и включил проигрыватель с полифоническими колонками, стоявшими на полке над камином.

После небольшого фортепианного вступления комнату наполнил лирически-проникновенный баритон: Фишер-Дискау пел на немецком.

Том моментально восторгался. Он улыбнулся, вспомнив, что не далее как накануне вечером по приемнику случайно поймал ту же песню Шуберта. Ее исполнял густым стонущим баритоном какой-то англичанин. При этом Тому представился барахтающийся в грязи вверх тормашками и готовый захлебнуться гиппопотам. Ирония заключалась в том, что сюжетом этой песни была любовь героя к прелестной корнуэльской деве, любимой и покинутой им много, даже очень много лет тому назад, судя по тому, что голос исполнителя явно принадлежал человеку, распрощавшемуся с юностью давным-давно.

Том громко рассмеялся.

– Над чем вы смеетесь? – спросил подросток.

– Вспомнил о названии, которое я сам придумал для этой песни, – «Душа моя не знает покоя с той поры, как, открыв томик стихов, я узрел там старый счет из прачечной». На немецком мой экспромт звучит еще лучше.

– Я плохо знаю немецкий, но могу себе представить! – Билли тоже рассмеялся, но чувствовалось, что он, как и Том, весь напряжен. Завораживающая музыка продолжалась, Том закурил сигарету и стал беспокойно прохаживаться по комнате, размышляя о том, стоит ли продолжать расспросы. Может быть, обострить ситуацию и прямо потребовать у него предъявить паспорт, адресованное ему письмо – словом, любой документ, подтверждающий его личность? Первая песня кончилась, и подросток сказал:

– Вы не против, может, мы не будем слушать пластинку до конца?

– Конечно, я не против.

Том выключил проигрыватель и вложил пластинку обратно в конверт.

– Вы спрашивали меня о человеке по фамилии Пирсон...

– Да.

– Что бы вы сказали... – начал Билли полупшепотом, словно опасался, что кто-то другой в этой комнате или мадам Анкет, находившаяся в кухне, может его подслушать, – что я и есть его сбежавший сын?

– Я бы сказал, что это твое личное дело, – спокойно отозвался Том. – Решил попутешествовать по Европе один и под чужим именем? Ради бога – не ты первый, не ты последний.

Лицо подростка выразило облегчение, уголки его рта чуть дрогнули, но он продолжал молчать, вертя в руках недопитый стакан.

– Вот только семья почему-то обеспокоена, – добавил Том.

– Прошу прощения, месье Тома, я хотела узнать... – произнесла мадам Анкет, заглядывая в комнату.

– Да-да, накрывайте на двоих, – нетерпеливо отозвался Том, он знал заранее, что она хотела выяснить, останется ли гость на ужин. – Надеюсь, ты не откажешься перекусить? – обратился он к Билли.

– Благодарю, я с удовольствием!

Мадам Аннет с улыбкой взглянула на подростка: она любила гостей и радовалась, что им нравится бывать в этом доме.

– Тогда минут через пятнадцать буду подавать, ладно, месье Тома?

Она вышла. Билли поерзал на краешке дивана и робко спросил:

– Можно взглянуть на ваш сад сейчас, пока еще не стемнело?

Через итальянское окно до самого пола они по ступеням спустились в сад. Лучи клонившегося к закату солнца пробивались сквозь сосны и озаряли все вокруг золотисто-розовым светом. Том понял, что мальчику просто хотелось очутиться там, где их не сможет услышать никто – даже мадам Аннет, но открывшийся вид заставил его позабыть обо всем, даже о своих страхах.

– Планировка сада мне нравится, – сказал он. – Красиво и не слишком прилажено.

– Моей заслуги тут нет. Я просто стараюсь поддерживать его в том же виде, в котором он был, когда мы купили дом.

Подросток наклонился, чтобы полюбоваться чайными розами – к удивлению Тома, он даже знал их название – «Краса Лондона», – но затем его внимание привлекла оранжерея. Здесь было настоящее царство зелени – цветы в бутонах, кустики с разноцветными листьями, специально отсаженные цветущие растения для подарков друзьям. Билли с видимым наслаждением вдыхал запах хорошо политой, богатой минералами земли.

Возможно ли, чтобы такой паренек оказался воспитанным в роскоши сыном Джона Пирсона, наследником, которому предстояло – если только у него нет старшего брата – взять в свои руки бразды правления всем бизнесом? И почему он не воспользуется тем, что здесь они совсем одни, и не заговорит?

Между тем Билли упорно молчал. Он разглядывал растения, а одно даже слегка потрогал кончиками пальцев.

– Давай-ка вернемся в дом, – сдерживая нетерпение, проговорил Том.

– Слушаюсь, сэр! – отозвался Билли и тотчас виновато выпрямился.

«Интересно, в какого рода школах в наши дни приучают так отвечать – в военных, что ли?» – подумал Том.

Ужинали там же, в гостиной. Аннет подала цыпленка с яблоками в тесте – последнее по просьбе Тома Аннет добавила к меню после телефонного звонка Билли. Паренек ел с аппетитом и даже отдал должное великолепному сухому монтраше. Он расспрашивал об Элоизе, ее родителях, интересовался, где они живут и какие они.

Тому пришлось сделать над собой большое усилие, чтобы не высказать своего истинного мнения о них – в особенности о папаше Плиссоне.

– Ваша... мадам Аннет говорит по-английски?

– По-английски она даже не умеет пожелать доброго утра, – ответил Том с улыбкой. – Она не любит ничего английского. А почему ты спросил?

Паренек нервно облизал губы и наклонился к нему. Теперь их разделял лишь стол.

– Что, если бы я признался, что я и есть тот самый, о ком вы давеча упомянули, – Фрэнк?

– Ты уже об этом спрашивал, – отозвался Том, он понимал, что выпитое вино оказало действие на его гостя. – Тем лучше. Значит, ты здесь потому, что хотел некоторое время побыть один, вдали от дома?

– Вот именно, – полушепотом сказал паренек. Он старался, чтобы его голос не дрожал, но по глазам было видно, что он слегка опьянел. – Вы меня не выдадите, правда?

– Разумеется, нет, можешь на меня положиться. У тебя, вероятно, есть на то свои причины.

– Да, да. Мне бы хотелось пожить под чужим именем. Мне неловко, что я вот так сбежал, но...

Том терпеливо ждал. Он чувствовал, что паренек собирается наконец сказать ему правду, хотя, возможно, и не всю. «Вот уж воистину справедлива поговорка о том, что истина – в вине», – подумал он. Пьяный не способен держать язык за зубами – во всяком случае, если он в таком юном возрасте, как этот парнишка.

– Расскажи-ка мне о семье. У тебя же есть еще брат – Джон Пирсон-младший, так, кажется?

– Ну да, Джонни, – отозвался Фрэнк, вертя в руках бокал и устремив взгляд в центр стола. – Я взял его паспорт. Выкрал его. Джонни скоро девятнадцать, а подпись его я умею подделывать... довольно хорошо. Вы только не подумайте, что я делал это когда-нибудь раньше. – Фрэнк замолчал и мотнул головой, будто пытаясь сосредоточиться.

– Что ты сделал после того, как ушел из дома?

– Сел в самолет, полетел в Лондон, пробыл там дней пять, потом – в Париж.

– Ясно. Деньги у тебя были? Надеюсь, ты не подделывал чеков на имя брата?

– Что вы, нет, конечно. У меня были с собой наличные – тысячи две-три. Это не проблема, взял дома, я же умею открывать сейфы.

В это время появилась мадам Аннет, чтобы сменить приборы и подать десерт – клубнику со взбитыми сливками в тартелетках.

Как только она ушла, Том поторопился возобновить разговор, пока Фрэнк снова не замкнулся в себе:

– А чем Джонни занимается?

– Учится в Гарварде. Но сейчас у него каникулы.

– А где у вас дом?

В глазах Фрэнка мелькнула растерянность, словно он не совсем понял, о чем его спрашивают.

– Штат Мэн, городок Кеннебанкпорт, – ответил он неуверенно.

– Насколько я припоминаю, вроде и похороны проходили в Мэне. Оттуда ты и дал деру? – полушутя спросил Том и был поражен испугом, мелькнувшим в глазах Фрэнка.

– Да, это время года мы всегда проводим в Кеннебанкпорте. Там и хоронили. После кремации.

Том хотел спросить, считает ли Фрэнк, что его отец действительно покончил с собой, но вовремя спохватился: вопрос прозвучал бы бестактно, ведь им двигало простое любопытство.

– А как мама? – вместо этого спросил он таким тоном, как будто справляется о самочувствии хорошо знакомого человека.

– Ну... она очень хорошенькая, хотя ей уже сорок с чем-то. Светловолосая.

– Ты с ней ладишь?

– Вполне. Она веселая – совсем не такая... не такая, каким был мой отец. Любит общество, политикой интересуется.

– Да? А за кого она голосует?

– За республиканцев, – отозвался мальчик и улыбнулся Тому.

– У твоего отца, кажется, она – вторая жена?

– Верно, вторая.

– Ты дал знать матери, где находишься?

– Н-нет... Оставил, правда, записку, что уехал в Новый Орлеан, потому что они знают, как мне нравится этот город. Я несколько раз ездил туда один и жил в отеле «Монтелеоне». Мне пришлось идти до автобусной остановки пешком. Если бы я попросил Юджина – это наш шофер – отвезти меня на станцию, то они бы скоро выяснили, что я уехал не в Новый Орлеан, так что я дошел до остановки, добрался до Бангора на автобусе, оттуда – в Нью-Йорк и на самолет. Можно я закурю? – спросил Фрэнк и взял сигарету из серебряной чаши. – Наверняка родные позвонили в отель, обнаружили, что меня там нет, ну и... подняли шум. Я знаю из «Трибьюн», я здесь иногда покупаю эту газету.

– И через сколько дней после похорон ты уехал?

– Кажется, через неделю или чуть больше, – неуверенно ответил Фрэнк.

– Отчего бы тебе не послать матери телеграмму, чтобы она знала, где ты? По-моему, все время прятаться довольно скучно, разве я не прав?

«Может, и не прав, – подумал Том. – Может, ему такая игра интересней».

– В настоящий момент у меня нет... нет желания общаться с родными. Хочу пожить сам по себе. Быть свободным, – произнес Фрэнк.

Том задумчиво кивнул:

– По крайней мере, теперь мне понятно, почему у тебя волосы топорщатся – ты привык делать прическу слева, а теперь причesyваешься как Джонни.

– Ну да.

Прошла мадам Аннет с подносом – кофе был сервирован в соседней комнате. Мужчины встали. Том взглянул на часы, еще не было десяти... «С чего это Фрэнк Пирсон решил, будто Том Рипли отнесется к нему с пониманием? – подумал Том. – Не потому ли, что парнишка вычитал в старых газетах, что у мистера Рипли довольно сомнительная репутация? Может быть, на совести Фрэнка тоже какой-то неприглядный поступок? Может, это он убил своего отца? Столкнул его кресло со скалы, например?»

Том неловко прокашлялся и направился к кофейному столику. Неприятная мысль, что и говорить. Если честно, то, пожалуй, она уже приходила ему в голову. В любом случае не следует ничего вытягивать из паренька, пускай сам расскажет – если захочет и когда захочет.

– Ну, давай пить кофе, – бодро сказал он вслух.

– Может, вы считаете, что мне пора уходить? – спросил Фрэнк – он, видимо, заметил, как Том посмотрел на часы.

– Вовсе нет, я думал об Элоизе. Она обещала вернуться к полуночи, но до полуночи еще далеко. Присаживайся.

Том достал из бара бутылку бренди: чем больше у Фрэнка развяжется язык, тем лучше, а обратно его можно будет отвезти на машине.

– Я уйду до прихода вашей жены, – сказал Фрэнк.

Том про себя подумал, что это будет правильно, ведь не исключено, что Элоиза тоже сможет догадаться, кто такой этот мальчик!

– Как это ни печально, Фрэнк, но зону поисков обязательно расширят. Может быть, им уже известно, что ты во Франции? – спросил он вслух.

– Откуда мне знать?!

– Сиди спокойно. Наверняка так оно и есть. Возможно, как только обшарят Париж, доберутся и до Море.

– На мне же рабочая одежда, да и имя другое.

«Похищение! – подумал Том. – Точно: не сегодня завтра кто-нибудь может его схватить и потребовать у семьи выкуп!» Том не собирался напоминать Фрэнку о похищении сына миллионера Гетти – и о поисках, которые, несмотря на интенсивную работу всех спецслужб, до сих пор не дали никаких результатов. Чтобы доказать, что мальчик действительно в их руках, похитители прислали мочку его уха, и им уже заплатили три миллиона. Фрэнк Пирсон был для таких, как они, не менее лакомым кусочком. Если бандиты его опознают первыми – а они наверняка будут искать его с большим рвением, чем кто-либо, – то непременно его схватят. Они прекрасно знают, что смогут получить за него гораздо большую сумму, чем вознаграждение от семьи, на которое можно рассчитывать в случае передачи его в руки полиции.

– Зачем ты взял паспорт брата? – спросил Том. – У тебя разве нет своего?

– Есть. Только что получил. Не знаю зачем. Может, оттого, что Джонни старше и мне так спокойнее. Мы с ним похожи. Только у него волосы светлее, – ответил Фрэнк и, словно стыдясь содеянного, скривил рот.

– Вы с братом дружны? Он тебе нравится?

– Ну да, а как же иначе?

Фрэнк поднял глаза, и Том понял, что паренек говорит правду.

– Ну а с отцом? Какие у тебя были отношения с ним?

– Мне трудно сейчас говорить об этом – после... после того, как... – проговорил Фрэнк, отворачиваясь.

Том выжидательно молчал.

– Сначала отец хотел заинтересовать делами своей компании Джонни, а потом... потом взялся и за меня. В школу бизнеса при Гарварде Джонни не прошел, наверное, потому, что не хотел. Знаете, чем он по-настоящему интересуется? Фотографией!

Последнее слово Фрэнк произнес, округлив глаза, будто это занятие было чем-то из ряда вон выходящим.

– Тогда отец принялся за меня. Это началось больше года тому назад. Я все время отнекивался, говорил, что не уверен в себе, что это слишком ответственное дело... Ну вот скажите, зачем мне это? Ради чего я должен отдавать этому всю жизнь?! – Карие глаза Фрэнка гневно блеснули.

Том продолжал молчать.

– Так что... откровенно говоря, не ладили мы с ним.

Фрэнк взял чашку с кофе. Он не стал для храбрости пить бренди, первые минуты робости прошли, и он говорил почти не запинаясь.

Однако время шло, а Фрэнк все молчал. Том догадывался, что для мальчика этот разговор мучителен, и из жалости к нему решил переменить тему:

– Я заметил, что ты смотрел на Дерватта, – проговорил он, кивая в сторону картины «Мужчина в кресле». – Нравится? Это мое любимое полотно.

– Оно мне незнакомо. А вот ту я видел – в каталоге, – сказал Фрэнк, смотря через плечо на другую картину – «Красные стулья». Ее действительно писал Дерватт, и Том тотчас догадался, какой именно каталог имеет в виду Фрэнк – последнее издание, выпущенное Бакмастерской галереей. С недавних пор они приняли решение не включать в каталоги подделки. – А что, Дерватта действительно подделывали?

– Не знаю, – отозвался Том, стараясь, чтобы его голос звучал как можно естественнее. – По-моему, так ничего и не удалось доказать. И потом, помнится, сам Дерватт приезжал из Мадрида, чтобы подтвердить подлинность некоторых полотен.

– Я подумал, может, вы при этом присутствовали? Ведь владельцы галереи – ваши хорошие знакомые, не так ли? – Фрэнк, судя по всему, постепенно приходил в себя. – У отца тоже есть один Дерватт.

– Который?

– Картина называется «Радуга». Вы ее знаете? Внизу – все в бежево-серовой гамме, наверху – радуга в ярко-красных тонах, а сквозь нее просвечивают контуры зданий – неясные и угловатые, так что не понять, какой это город – Нью-Йорк или Мехико.

Том вспомнил этот пейзаж. Картина Бернарда Тафтса.

– Конечно знаю, – произнес он так, словно ему напомнили о любимой им вещи. – Твоему отцу нравится Дерватт?

– Да он всем нравится. Его картины... Они какие-то очень теплые, человечные, что ли. У современных, модерновых художников такое не часто видишь. Но это, конечно, если тебя тянет именно к подобным вещам. Возьмите Фрэнсиса Бэкона – вот он и правдивый, и ничего не приглаживает, но ведь и здесь то же самое можно увидеть, хотя на картине всего лишь две маленькие девчушки.

Фрэнк кивком указал на полотно, где на фоне пылающего очага были изображены две малышки, сидящие на красных стульчиках. Если исходить из сюжета, то об этой картине можно было сказать, что она проникнута теплом, но Том понимал: мальчик имеет в виду совсем иное, а именно – отношение к своим персонажам самого художника. Технически это было выражено через двойные контуры фигур и лиц.

Странное дело – Том почувствовал себя чуть ли не лично обиженным тем, что Фрэнк остановил свой выбор не на «Мужчине в кресле», в котором было ничуть не меньше тепла, хотя ни мужчина, ни кресло не пылали ярким пламенем. Это полотно было фальшивкой, но именно из-за этого оно и нравилось Тому. Хорошо еще, что Фрэнк не стал спрашивать, не подделка ли это, потому что, если бы спросил, это означало бы, что он слышал или читал об этом.

– Вижу, ты серьезно увлекаешься живописью.

– Может, это покажется вам смешным, но больше всего я люблю Рембрандта, – чуть смущенно проговорил Фрэнк. – У отца есть одна его картина. Он держит ее в сейфе, но я видел ее несколько раз. Совсем небольшая... – Мальчик смущенно кашлянул, расправил плечи и добавил: – Но глядеть на нее – такая радость!

«Как верно: дарить радость – в этом и есть главное предназначение живописи, – подумал про себя Том. – Что бы там ни болтал Пикассо о том, что живопись провоцирует нации к военным действиям».

– Виллара и Боннара я тоже люблю, – между тем говорил Фрэнк. – Они такие домашние, такие уютные. Не то что современное искусство, всякий там абстракционизм... Может, когда-нибудь я их тоже научусь понимать?

– Вот видишь, значит, хоть в одном вы с отцом сходились – оба любили живопись. Он брал тебя на выставки?

– Я полюбил ходить на выставки, наверное, лет с двенадцати, но ходил туда один. Мне было всего пять, когда в него стреляли, – представляете? И с тех пор он передвигался в инвалидном кресле.

Том кивнул и подумал при этом о матери Фрэнка, о том, каково ей жилось последние одиннадцать лет.

– А все из-за этого его распрекрасного бизнеса! – с горькой иронией воскликнул Фрэнк. – Отец знал, кто стоит за покушением, – конкурирующая с ним компания по изготовлению пищевых продуктов. Это они наняли киллера. И все же он даже и не подумал их преследовать, то есть расследовать все это, потому что понимал, к чему это приведет: они повторят свою попытку убить его. Именно так делаются дела в нашей замечательной стране – понимаете?!

Что-что, а это Том и сам понимал прекрасно.

– Попробуй-ка коньяк.

Фрэнк поднес к губам рюмку, пригубил и смешно сморщился.

– Где сейчас твоя мать?

– Скорее всего, в Мэне. А может, в нью-йоркской квартире – откуда мне знать?

– Позвони ей, ты же помнишь оба номера? Вот телефон, я поднимусь наверх, чтобы тебе не мешать, – предложил Том. Ему хотелось выудить из Фрэнка как можно больше сведений.

– Я не желаю, чтобы кто-нибудь из них узнал, где я нахожусь, – твердо проговорил Фрэнк. – Уж если бы я кому и позвонил, так это своей девушке, но не могу допустить, чтобы даже она знала.

– Какой еще девушке?

– Терезе.

– Она живет в Нью-Йорке?

– Да.

– Так почему бы тебе и не позвонить ей? Ведь она наверняка волнуется. Тебе совсем необязательно сообщать, где ты. Я буду наверху...

– Она может догадаться, что я звоню из Франции. Нет, я не стану рисковать, – медленно проговорил Фрэнк.

«Может, он пустился в бега из-за нее?» – подумал Том и вслух спросил:

– Ты предупредил Терезу о том, что собираешься уехать?

– Сказал, что хочу немного попутешествовать.

– Ты с ней, случайно, не ссорился?

– Что вы! Нет, конечно!

Лицо Фрэнка мгновенно просветлело, а на губах заиграла счастливая, слегка ироническая улыбка, словно само это предположение показалось ему немыслимым. Том еще ни разу не видел его таким. Фрэнк бросил взгляд на часы и поднялся, собираясь попрощаться. Было всего около одиннадцати, но Том понимал: мальчик не хочет, чтобы его видела Элоиза.

– У тебя есть с собой фотография Терезы?

– Ну конечно! – Фрэнк снова радостно заулыбался и вынул из внутреннего кармана пиджака бумажник. – Вот, глядите. Это моя самая любимая, хотя и любительская. – С этими словами он протянул Тому маленький квадратик в плексигласе.

Том увидел шатенку с живым взглядом чуть прищуренных глаз и задорной улыбкой на сомкнутых губах. У нее были короткие блестящие прямые волосы. Судя по выражению лица, она любила посмеяться, но не была задирой. У Тома было впечатление, что снимок был сделан во время танца.

– Обаятельная, – сказал Том.

Фрэнк лишь кивнул. Видно было, что его переполняют гордость и счастье.

– Может, вы не откажетесь меня подвезти? – спросил он. – Мои туфли, конечно, очень удобные, но не для такой дороги...

Том рассмеялся. Действительно, Фрэнк был обут в начищенные до блеска туфли от Гуччи из морщенной кожи типа мокасин. На нем был также шикарный твидовый пиджак коричневых тонов с легкой блестящей нитью – такой Том с удовольствием выбрал бы и для себя.

– Пойду проверю, не легла ли еще мадам Аннет, и, если не спит, предупрежу, что уеду и скоро вернусь. Иногда она пугается, когда слышит звук подъезжающих машин, но сегодня она будет ждать Элоизу. Посети пока что туалет, – проговорил Том и указал на узкую дверь в холле у парадного входа. Подросток последовал его совету, а Том прошел через кухню и подошел к дверям комнаты мадам Аннет. Щель под дверью была темной, значит экономка уже легла. На столике возле телефона Том оставил коротенькую записку: «Отвожу домой приятеля, буду дома, наверное, к полуночи. Т.». Записку он положил на третью ступеньку лестницы – там Элоиза наверняка ее заметит.

3

Тому хотелось непременно побывать в доме, где жил Фрэнк, и, уже ведя машину, он как бы между прочим спросил:

– Можно заглянуть к тебе? Или это не понравится мадам Бутен?

– Конечно можно. Ее это ничуть не потревожит – она ложится спать около десяти.

В этот момент они уже въезжали в Море. Дорогу Том помнил и, сделав левый поворот с Рю-де-Пари, стал тормозить у номера 78. Возле дома мадам Бутен стояла машина. Поскольку другого транспорта на улице не было, Том повернул чуть влево. Свет фар скользнул по номерному знаку припаркованной машины – тот заканчивался на семерку и пятерку. Парижский номер. В тот же миг фары машины вспыхнули слепящим светом, и она дала задний ход. Тому показалось, что в машине были двое.

– Это что еще за новости? – с тревогой в голосе воскликнул Фрэнк.

– Хотел бы и я знать, что здесь делает парижская машина, – пробормотал Том, наблюдая за тем, как она развернулась, юркнув в переулок слева, а затем на большой скорости умчалась по главной улице.

Том остановил свою машину, но не стал выключать фары, заметив вслух, что, пожалуй, лучше припарковаться в темном переулке, куда сворачивал неизвестный автомобиль. Только там он выключил фары и, когда они оба вышли, запер три дверцы.

– Возможно, ничего серьезного, – бодро сказал Том, хотя ему было не по себе, – но вдруг в саду мадам Бутен кто-то есть? Тут требуется свет, – шепнул он, доставая из машины фонарик и запирая дверцу.

Они направились к дому. Фрэнк отпер своим ключом ворота. На случай засады Том сжал руку в кулак.

Ворота были невысокие – всего футов девять, – и перелезть через них не составляло большого труда, несмотря на заостренные концы решетки.

– Запри снова, – шепнул Том. Фрэнк подчинился и с фонариком в руках двинулся вперед. Том шел за ним меж шпалер винограда и деревьев – вероятно, яблонь. Свернули налево – к маленькому коттеджу. Направо темнел господский дом. Тишина была полная, не было слышно даже звуков телевизоров по соседству. Такое безмолвие для французских городков и селений – дело обычное.

– Осторожнее! – прошептал Фрэнк, освещая три ведра, стоящих на дорожке. Он достал небольшой ключ, отпер дверь коттеджа, включил свет и отдал Тому его фонарик. – Какой-никакой, а все же мой дом! – весело произнес он, закрывая за Томом дверь.

Собственно, весь дом состоял из одной небольшой комнаты с узкой кроватью и окрашенным белой краской столом, на котором лежало несколько книжек в мягких переплетках, французская газета, дешевая авторучка и стояла кружка с недопитым кофе. На спинке единственного стула висела синяя рабочая рубашка; в углу – умывальник, маленькая дровяная печурка, мусорный бачок и вешалка для полотенец. На полке под самым потолком лежал довольно потрепанный кожаный чемодан коричневого цвета, под ним – палка примерно в ярд длиною, как видно давно приспособленная для того, чтобы вешать верхнюю одежду. На ней Том увидел несколько пар брюк, джинсы и плащ.

– Садитесь на кровать – она удобнее, чем стул, – сказал Фрэнк. – Могу предложить вам «Нескафе», только на холодной воде.

– Не беспокойся, мне ничего не нужно, – улыбнулся Том. – Вижу, жилье у тебя вполне сносное.

Стены были свежеекрашены – вероятно, самим Фрэнком.

– О, вот это очень мило! – воскликнул Том, заметив акварельный рисунок на куске белого картона от пакета писчей бумаги. Рисунок был прислонен к стакану с небольшим букетиком полевых цветов и одной розой, который стоял на деревянном ящике, заменявшем ночной столик. На рисунке были изображены полуотворенные старые ворота; он был выполнен уверенной, отнюдь не ученической рукой.

– Ах это! – пробормотал Фрэнк. – Нашел тут в ящике старые краски, ну и... – Было видно, что подросток устал и хочет спать.

– Пожалуй, я поеду, – сказал Том, берясь за ручку двери. – Когда захочешь, звони.

Он приоткрыл было дверь и тут же заметил, как прямо перед ним, не далее чем в двадцати ярдах, в доме мадам Бутен зажегся свет.

– Этого только не хватало! – пробурчал Фрэнк. – Мы же вроде бы не шумели!

Том хотел было убежать, но тут в полной тишине совсем рядом, на гравийной дорожке, послышались шаги.

– Спрячусь в кустах, – шепнул он и метнулся влево. Он знал, что там тени от стены и деревьев скроют его надежнее всего.

Старушка шла медленно, светя себе под ноги слабым фонариком-карандашом.

– Это ты, Билли? – спросила она, подойдя ближе.

– Ну конечно, мадам! – отозвался паренек.

Одной рукой упершись в землю, Том замер в полусогнутом положении всего в каких-нибудь шести ярдах от говоривших. Мадам Бутен сообщила между тем, что в десять вечера к ней явились двое и сказали, что хотят повидаться с ее садовником.

– То есть со мной? А кто они?

– Своих имен они не назвали. Я до этого их и в глаза не видела. Какая наглость! Заявиться в гости к садовнику в десять вечера! – с раздражением воскликнула мадам, подозрительно поглядывая на Фрэнка.

– Я тут совсем ни при чем. Как они выглядели?

– Я разглядела только одного. Он спросил, когда вы вернетесь. Как будто я должна это знать!

– Очень сожалею, что вас побеспокоили, мадам Бутен. Уверяю, что я и не думаю искать другую работу.

– Хотелось бы надеяться, что это правда. А то какие-то люди звонят в мою дверь ночью – безобразие какое!

Ее маленькая, сгорбленная фигурка стала потихоньку удаляться.

– Свои двери я всегда запираю. Но мне пришлось их открыть и дойти до ворот, чтобы с ними поговорить, – прозвучал ворчливый голос.

– Давайте забудем про все это, мадам Бутен. И еще раз – извините.

– Ладно уж. Спокойной тебе ночи, Билли, и приятных снов.

– И вам тоже, мадам.

Том дождался, пока она подойдет к своему дому. Он услышал, как притворил дверь Фрэнк, как повернулся ключ в замке господского дома, потом – слабый щелчок второго замка, наконец, громкий стук задвигаемого засова. Может, там еще не все заперто? Но нет: больше никаких шумов не раздалось. Том решил выждать еще. Сквозь матовое стекло бельэтажа мелькнул слабый свет, но и он вскоре потух.

Что касается Фрэнка, то он явно ждал, когда Том сам выйдет из укрытия, что было весьма мудрым решением для подростка.

Он осторожно проскользнул в приоткрытую дверь коттеджа.

– Я все слышал. Тебе лучше убраться отсюда немедленно, прямо сейчас, – шепнул он.

– Вы так считаете? – испуганно спросил Фрэнк. – Да, да, я и сам понимаю. Вы правы, конечно.

– Тогда давай быстро собирать вещи. Сегодня переночуешь у меня, а про завтра будем думать завтра. У тебя только один этот чемодан?

Он снял чемодан с полки и положил на кровать. Том передавал Фрэнку одну вещь за другой: брюки, рубашки, обувь, книги, зубную пасту, щетку. Фрэнк укладывал все в чемодан. Голова его была низко опущена; было видно, что он готов расплакаться в любую минуту.

– Тебе незачем так нервничать, – тихо проговорил Том. – Сейчас самое главное – улизнуть от этих пройдох. Завтра утром мы отправим твоей милой почтенной хозяйке записочку с объяснением – вроде того, что, мол, тебе позвонили из дома и просили срочно вернуться в Штаты... Но это завтра. Сейчас нам нельзя терять ни минуты.

Фрэнк придавил ладонью плащ и захлопнул чемодан.

– Подожди секунду, – сказал ему Том. – Я хочу убедиться, что они не вернулись.

С фонариком в руках он выскользнул в сад и стал бесшумно красться к воротам. Без света он мог видеть на расстоянии не более трех ярдов, но включать фонарик побоялся. Во всяком случае, никакой машины у ворот не было. А вдруг они затаились в переулке возле его собственного автомобиля? – мелькнула тревожная мысль. Ворота были заперты, он не мог выйти и удостовериться, что это не так. Он вернулся в дом. Фрэнк стоял наготове с чемоданом в руках. Он вышел, запер дверь, оставив ключ в замке, и вместе они двинулись к воротам. Когда Фрэнк их открыл, Том попросил его задержаться, а сам решил заглянуть за угол. Фрэнк пошел было за ним, но Том оттолкнул его и двинулся к повороту. Он чувствовал себя довольно уверенно: в конце концов, те двое охотились не за ним.

В переулке, кроме его собственной, других машин не было видно. Это успокоило его, потому что у всех местных жителей были гаражи и никто не парковал машины на ночь у тротуара. Надо надеяться, что те двое не запомнили его регистрационные номера, потому что по номеру машины они под предлогом дорожного столкновения вполне могли выяснить через полицию его имя и адрес.

Том сделал знак Фрэнку, что путь свободен, но тот колебался.

– Я не знаю, что делать с ключом, – шепнул он.

– Перекинь его в сад на дорожку. Мы сообщим в записке, где его искать.

Фрэнк с чемоданом и Том с легкой спортивной сумкой без происшествий добрались до машины. Когда дверцы захлопнулись, Том наконец-то позволил себе расслабиться. Теперь он думал лишь о том, как бы поскорее очутиться дома. Он решил вести машину кружным путем, но, насколько мог судить, их никто не преследовал. Они переехали старинный, с четырьмя башенками мост в самом центре городка, очутились в районе, где уличные фонари встречались редко, миновали закрывавшийся бар. От него отъехало несколько машин. Никто не обратил на них ни малейшего внимания.

Том вырулил на магистраль номер пять и с нее свернул направо, на дорогу к городку Обелик, по которой можно было доехать до самого Вильперса.

– Не дергайся. Я хорошо знаю дорогу, и нас никто не преследует, – сказал он Фрэнку, но тот, казалось, не слышал его, целиком поглощенный собственными мыслями.

Том понимал его состояние: маленький мир у мадам Бутен перестал существовать, и паренек был в полной растерянности.

– Мне придется известить Элоизу, что ты ночуешь у нас, но для нее ты останешься Билли Роллинсом, – предупредил Том. – Скажу, что ты согласился поработать у нас в саду, пока не подыщешь другого почасового заработка. Перестань волноваться.

Он посмотрел в зеркало: шоссе оставалось пустым. Закусив нижнюю губу, Фрэнк молча смотрел перед собой.

А вот и дом. Подъезд был освещен – об этом позаботилась Элоиза, – и ворота не заперты, так что Том проехал прямо в гараж. Красный «мерседес» Элоизы занимал пространство справа от входа. Том вышел из машины, попросил Фрэнка чуть-чуть подождать, а сам достал из-под рододендрона большой старинный ключ и запер ворота. Фрэнк с вещами все это время стоял возле гаража.

Том вошел в холл, зажег свет на лестнице, выключил лампы в гостиной и, выглянув, поманил к себе Фрэнка. Вместе они поднялись по лестнице.

– Располагайся поудобнее, – сказал Том. – Тут гардеробная, а там ящики для белья. Сегодня вымойся в моей ванной. Той, что рядом, пользуется Элоиза, а я все равно лягу не раньше чем через час.

– Спасибо, – отозвался Фрэнк, опуская чемодан на дубовый табурет у одной из двух широких кроватей.

Том прошел к себе. Включив свет в комнате и ванной, он не смог удержаться – подошел к одному из окон и сквозь щелку в задернутых шторах попытался разглядеть, нет ли рядом припаркованной машины. За окном было пусто и темно – за исключением слабого пятна света от уличного фонаря. Разумеется, машину с выключенными фарами в такой темноте можно было и не заметить, но Том предпочел об этом не думать.

В дверь постучали. На пороге стоял Фрэнк – босой, в пижаме, с пастой и зубной щеткой в руках.

– Проходи. Она полностью в твоем распоряжении, – сказал Том, указывая на ванную комнату. – И можешь мыться сколько душа пожелает.

Он ласково улыбнулся: вид у парнишки был измученный, и под глазами залегли глубокие тени.

Том переоделся в пижаму. «Интересно, что будут писать в ближайшее время в „Трибьюн“ об исчезновении Фрэнка Пирсона, – подумал он. – Наверняка поиски теперь приобретут более интенсивный характер». Через коридор он дошел до комнаты Элоизы и заглянул в замочную скважину. Хотя Элоиза оставляла ключ снаружи, всегда было видно, когда в ее спальне горел свет. На сей раз света не было.

Том вернулся к себе, лег и стал лениво просматривать учебник французской грамматики. Фрэнк вышел из ванной с влажными волосами и с блаженной улыбкой воскликнул:

– Горячая вода – это здорово!

Принимая душ, Том думал о машине возле дома мадам Бутен. Кто бы ни были эти двое, им явно хотелось избежать какого бы то ни было шума, похоже, они даже не хотели встречаться с Фрэнком и с ним самим лицом к лицу. Тем не менее визит не сулил ничего хорошего. С другой стороны, это могло быть всего лишь невинное любопытство: возможно, кто-либо из жителей Море, имевший приятеля-парижанина, упомянул в разговоре с ним о появлении у них в городке молоденького американца, и они решили выяснить, уж не он ли тот самый Фрэнк Пирсон, о котором пишут газеты. Ведь человек, говоривший с мадам Бутен, не назвал Фрэнка по имени, а просто спросил про садовника. «Надо будет завтра как можно раньше отправить мадам Бутен записку с объяснением отъезда», – подумал Том, засыпая.

4

Его разбудила коротенькая одинокая трель какой-то пичуги – явно не жаворонка. Она прозвучала чуть вопросительно, немного робко и очень жизнеутверждающе. Эта птица или кто-то из ее семейства частенько будили Тома на рассвете. Сквозь полуопущенные веки он видел серые в утреннем сумраке стены и на их фоне – более темные, словно нарисованные размытой гуашью очертания мебели: комода с коваными углами и еще более темной глыбы письменного стола. Он вздохнул и зарылся в подушку, готовый насладиться последним часом сна.

«Фрэнк!» – внезапно вспомнил он и мгновенно проснулся. На часах было 7:45. Фрэнк – в доме, а он еще не предупредил Элоизу о том, что Фрэнк, то бишь Билли Роллинс, ночевал у них. Накинув халат и сунув ноги в шлепанцы, Том стал спускаться вниз. Хорошо бы сначала успеть переговорить с мадам Аннет – тем более что у него для этого есть еще целых пятнадцать минут, кофе она готовит ему к восьми. Для мадам Аннет гости никогда не были в тягость, ее не интересовало, сколько они пробудут, лишь бы ее предупреждали заранее о количестве персон. Том вошел в кухню, когда чайник только начинал посвистывать.

– Доброе утро, мадам! – бодро приветствовал он Аннет по-французски.

– Месье Тома! Как спали – хорошо? – отозвалась она.

– Спасибо, прекрасно. А у нас сегодня гость – тот самый юный американец, которого вы видели вчера вечером, Билли Роллинс его зовут. Я его поместил в гостевую комнату, и, возможно, он у нас немного поживет. Ему хочется поработать в саду.

– Да? Вот это мило, какой молодец! А когда он желает позавтракать? Вот и ваш кофе, месье Тома.

Том наблюдал, как мадам наливает дымящийся кофе в белую чашечку. Элоиза предпочитала по утрам чай.

– Об этом не беспокойтесь, – отозвался он. – Я велел ему хорошенько выспаться. Когда спустится, я сам о нем позабочусь.

Мадам Аннет поставила на поднос чай, грейпфрут и тосты, и Том сказал, что поднимется в спальню жены вместе с нею. Элоиза только что проснулась.

– Входи, Тома, – прошептала она, – знаешь, я вчера так утомилась...

– Но ведь ты приехала не поздно. Я сам вернулся только к полуночи. Послушай, милая, я пригласил к нам пожить юношу-американца. Он согласился поработать у нас в саду. Его зовут Билли Роллинс, ты его уже видела.

– Да? – протянула Элоиза. Она поднесла ко рту ложечку с кусочком грейпфрута. Сообщение Тома ее несколько не удивило, но она все же поинтересовалась: – Ему разве негде жить? У него нет денег?

Они говорили по-английски, но Том отвечал осторожно, взвешивая каждое слово:

– Уверен, что деньги на гостиницу у него есть, но ему не понравилось место, где он вчера остановился, и тогда я предложил ему переночевать у нас. Мы забрали его вещи и приехали. Он хорошо воспитан. – Том сделал паузу и добавил: – Ему восемнадцать, он любит работать в саду и довольно хорошо разбирается в садоводстве. Совсем неплохо, если он немного займется нашим садом, – тем более что у Джекобсов есть свободные недорогие комнаты.

Чета Джекобсов, кроме бара-ресторана, действительно приспособила третий этаж под «гостиницу».

Элоиза, к тому времени окончательно проснувшаяся, откусила тост и настороженно сказала:

– Как легко тебя разжалобить, Том! Надо же – взял и пригласил в дом незнакомого мальчишку! А вдруг он вор? Оставил его на ночь, а может, его давно и след простыл?

– Ты права, как всегда, – проговорил Том, согласно кивая, – только этот паренек – совсем не из тех, кто шляется по дорогам и путешествует автостопом.

В этот момент до него донеслось тихое жужжание, напомнившее звук его дорожного будильника. Элоиза ничего не услышала, ее кровать стояла в противоположном от холла углу комнаты.

– Кажется, звонит его будильник, – сказал он. – Подожди-ка секундочку.

С чашкой кофе в руках он вышел в коридор и постучал в дверь Фрэнка.

– Да? Входите, пожалуйста, – послышался юношеский голос.

Том вошел, и Фрэнк приподнялся на локте. На столике у кровати стоял будильник – точно такой же, как у него самого.

– С добрым утром.

– И вас также, сэр, – отозвался Фрэнк. Он торопливо откинул со лба волосы и спустил ноги на пол.

– Может, еще поспишь? – спросил его Том.

– Нет, сэр. Самое время вставать.

– Кофе будешь?

– Да, спасибо. Я сейчас спущусь.

Том ответил, что в этом нет необходимости: он сам принесет кофе. Он отправился на кухню, дождался, пока мадам Аннет наполнит кофейник свежим горячим напитком, и, отклонив ее предложение обслужить молодого человека, принес завтрак Фрэнку.

Фрэнк с видимым удовольствием стал пить кофе, и Том последовал его примеру.

– Составь-ка письмецо для мадам Бутен, и чем быстрее, тем лучше, а я сразу доставлю его по назначению.

– Будет сделано, – бодро отозвался Фрэнк. Волосы у него на макушке упрямо не желали ложиться по-новому и ерошились, словно на ветру.

– Не забудь сообщить, где лежит ключ: прямо у ворот, с внутренней стороны.

Уплетая тост с мармеладом, паренек молча кивнул.

– Помнишь, какого числа ты сбежал из дома?

– Двадцать седьмого июля.

– Сегодня суббота, девятнадцатое августа. Ты сказал, что несколько дней пробыл в Лондоне, а затем приехал в Париж. Где ты там останавливался?

– В «Англетере», на Рю-Жакоб.

Том знал этот отель только понаслышке – он находился в фешенебельном районе Сен-Жермен-де-Пре.

– Покажи-ка мне свой паспорт, вернее, не свой, а брата.

Фрэнк встал, достал из чемодана паспорт и послушно вручил его Тому.

Том открыл документ на странице, где была фотография. У изображенного на ней молодого человека волосы были гораздо светлее, пробор слева и более худощавое лицо. В разрезе

глаз, в рисунке бровей и рта можно было отыскать некоторое сходство, и тем не менее оставалось лишь удивляться тому, что Фрэнк не задержали. Ему просто повезло, ведь Фрэнк явно не выглядел на девятнадцать лет, да и ростом был пониже своего брата. В отелях Франции нынче, правда, не обязательно при заселении предъявлять паспорт или иной документ, удостоверяющий личность, однако служба иммиграционного контроля в Англии и Франции наверняка уже была предупреждена об исчезновении Фрэнка Пирсона, и к настоящему времени и там и тут имелось его фото. И потом – его брат, должно быть, давно обнаружил, что паспорта нет на месте.

– Знаешь, тебе лучше всего самому объявиться властям, – мягко сказал Том. – Во Франции тебе долго скрываться не удастся, а на любой границе тебя задержат, и в первую очередь на выезде в любом направлении из Франции.

Фрэнк ошеломленно уставился на него.

– Я вообще не очень понимаю, зачем тебе скрываться.

Фрэнк отвел взгляд. Это не означало нежелания отвечать. Он словно решал для себя, как ему лучше поступить.

– Мне бы хотелось, чтобы меня все оставили в покое хотя бы ненадолго, – наконец тихо проговорил он.

Том заметил, что у мальчика дрожат руки: он начал было складывать салфетку, затем, так и не сложив, растерянно уронил ее на поднос.

– Твоя мама уже наверняка знает, что ты воспользовался паспортом Джонни, раз твой дома. Теперь найти тебя во Франции совсем просто. Знаешь ли, лучше объявиться самому – это гораздо менее неприятно, чем если тебя задержит полиция. – Том поставил свою чашку на поднос и закончил: – Сейчас я тебя оставляю, чтобы ты мог написать мадам Бутен. Элоиза уже знает о том, что ты здесь. У тебя есть на чем писать?

– Да, сэр.

«Ну и славно», – подумал Том, который уже приготовился было принести ему дешевый конверт и листок бумаги, потому что на писчей бумаге в гостевой комнате имелся полный адрес его поместья. Он пошел к себе, побрился и облачился в старые вельветовые штаны, в которых обычно работал в саду. День выдался на редкость хороший – было солнечно и довольно прохладно. Он полил растения в оранжерее, прикинул в уме план работ, которыми они с Фрэнком займутся чуть позже, и отложил в сторону вилы и секаторы. Ему было важно первому просмотреть утреннюю почту, ее могли подвезти в любую минуту, и, услышав знакомый скрип ручного тормоза почтового фургончика, он поспешил к воротам. Хотя он заметил письмо из Лондона от Джеффа Константа, Том сначала пробежал глазами «Геральд трибьюн». Как ни странно, зарабатывающий на жизнь фотографией Джефф был гораздо более надежным корреспондентом, чем Эдмунд Банбери, который, кроме галереи, вообще ничем не занимался и проводил там все дни напролет.

В «Геральд» имя Фрэнка не упоминалось, и тогда Том вспомнил про старую сплетницу «Франс диманш», которая выходила по уик-эндам. Сегодня как раз суббота, так что свежий номер должен уже быть в продаже. Как правило, эту газетенку интересовали различные скандальные происшествия сексуального характера, но второе по важности место в ней занимали скандалы вокруг больших денег.

Письмо от Джеффа он распечатал уже в гостиной. Проглядев текст, он сразу отметил, что осторожный Джефф вообще не упоминает имени Дерватта. Он просто писал, что вполне согласен с Томом – «это следует прекратить» – и, обсудив вопрос с Эдом, уже известил об этом решении «заинтересованных лиц». Том прекрасно знал, кого он имеет в виду: молодого лондонского художника Стейермана, который подделывал для них Дерватта. Таких подделок было уже штук пять, но Бернарду Тафтсу он и в подметки не годился. Там, где дело касалось Дерватта, тот был настоящим фанатиком. Хотя считалось, что Дерватт давно уже тихо спит в

могиле в какой-то мексиканской деревушке, названия которой он им так и не открыл, Джефф с Эдом последние годы только тем и занимались, что сбывали якобы случайно обнаруженные старые наброски его полотен. «Это приведет к существенному сокращению доходов, – писал далее Джефф, – но, как Вам должно быть известно, мы привыкли прислушиваться к Вашим советам». Послание заканчивалось просьбой уничтожить письмо, что Том немедленно и сделал, изорвав его на мелкие клочки.

Одетый в синие джинсы, с конвертом в руках в комнату вошел Фрэнк.

– Написал. Просмотрите, пожалуйста. По-моему, все как надо.

Тому он напомнил ученика, отдающего учителю контрольную работу. Фрэнк написал, что звонил домой, узнал, что один из членов его семьи болен, и поэтому он должен выехать немедленно. Он благодарил мадам Бутен за доброе к себе отношение и сообщал, куда бросил ключ от ворот.

– Все правильно, – сказал Том. – Я сейчас же отвезу твою записку. Вернусь минут через тридцать. Можешь пока просмотреть газеты или прогуляться по саду.

– Ах да, газету, – тихо отозвался Фрэнк с досадливой гримасой.

– В этой ничего нет, я смотрел, – успокоил его Том, указывая на «Геральд».

– Тогда я пройдусь по саду.

– Только не перед домом, ладно?

Фрэнк послушно кивнул.

На этот раз Том поехал на «мерседесе». Топлива в баке оставалось совсем немного, но на заправочную станцию можно будет заехать на обратном пути. Том спешил и гнал машину на предельной скорости. Возможно, было бы лучше напечатать письмо на машинке, но, во-первых, это выглядело бы довольно странно, а во-вторых, Том от всей души надеялся, что почерком Фрэнка пока никто не интересуется – разве что парнишку выследили и в двери мадам Бутен уже стучится полиция.

В Море он остановил машину метрах в ста от дома мадам. Остальной путь проделал пешком и с сожалением увидел у ворот молодую женщину, которая беседовала с мадам Бутен – во всяком случае, Том думал, что это она. Вторая собеседница была ему не видна. Возможно, они как раз обсуждали исчезновение садовника. Том повернулся и не спеша двинулся в обратном направлении. Когда он оглянулся, то увидел, что молодая женщина идет в его сторону. Том пошел ей навстречу и, не останавливаясь, прошел мимо. Он бросил конверт в ящик на уже закрытых воротах, обогнув квартал, вернулся к машине и поехал к центру, где у моста через реку Луэн находился газетный киоск. Он купил «Франс диманш» и сразу же обратил внимание на набранные крупным красным шрифтом заголовки. Однако одна из статей была посвящена подруге принца Чарльза, а другая – скандальному браку богатой наследницы из Греции. Том переехал через мост и остановился на заправочной станции. Пока наполняли бак, он развернул газету и невольно вздрогнул: на него смотрел Фрэнк – пробор слева, на правой щеке – едва заметная родинка. Текст занимал две короткие полосы. Под броским названием «Сын американского миллионера скрывается во Франции» была помещена фотография, ниже шел следующий текст:

«После смерти американского магната и мультимиллионера Джона Пирсона не прошло и недели, как из роскошного поместья семьи в штате Мэн исчез, похитив паспорт старшего брата, его шестнадцатилетний сын Фрэнк.

Отличающийся большой впечатлительностью и независимым нравом Фрэнк, по словам его красавицы-матери Лили, был глубоко травмирован смертью своего отца. Он оставил записку, что едет на несколько дней в Новый Орлеан (штат Луизиана). Однако родные и полиция там его не обнаружили.

Благодаря начавшимся поискам удалось выяснить, что Фрэнк направился в Лондон, а оттуда – во Францию. Все сказочно богатое семейство пребывает в полном отчаянии. Возможно, старший из братьев, Джон, скоро прибудет во Францию в сопровождении частного детектива, чтобы помочь в поисках брата. „Я его знаю лучше других и смогу отыскать быстрее, чем кто-либо другой“, – заявил Джон Пирсон-младший. Глава семьи, Джон Пирсон-старший, одиннадцать лет назад после покушения на его жизнь лишился возможности передвигаться самостоятельно и был прикован к инвалидному креслу. Он умер 22 июля в результате падения со скалы (в штате Мэн). Спрашивается: самоубийство это или несчастный случай? Из заключения американских экспертов следует, что смерть произошла в результате трагической случайности. Однако остается вопрос: чем вызван таинственный побег мальчика из собственного дома?»

Том расплатился за горючее, не забыв добавить щедрые чаевые. Он решил сразу же показать Фрэнку газету – это должно вывести парня из состояния бездействия, заставить его на что-то решиться. Только бы не забыть вслед за тем избавиться от газеты, чтобы она не попала на глаза Элоизе или мадам Аннет. В половине одиннадцатого, поставив машину в гараж, Том уже шагал по садовой дорожке, по обеим сторонам которой выстроились горшочки с цветущей красной геранью: мадам Аннет очень гордилась ими, потому что покупала их на собственные деньги. Он еще издали увидел Фрэнка, занятого прополкой в конце сада. Через открытые окна до него донеслись звуки клавесина – это Элоиза прилежно трудилась над Бахом. Ее усердия обычно хватало минут на тридцать, после чего она ставила пластинку либо с той же самой вещью, либо с чем-нибудь абсолютно противоположным по настроению – вроде рок-н-ролла.

– Билли! – тихонько окликнул Том, вовремя вспомнив, что Фрэнком его называть не следует.

Подросток разогнулся и, улыбаясь, спросил:

– Уже отвезли? А ее видели?

Он тоже говорил полупшепотом, словно опасаясь, что кто-то в лесной чаще сразу за оградой может их услышать.

Том и сам, оказываясь рядом с оградой, всегда держался настороженно – за колючим невысоким кустарником начиналась настоящая чаща. Сорняки выше пояса, длинные плети колючей дикой ежевики мешали видеть – не говоря уже о том, что чуть подальше плотной стеной стояли лимонные деревья: за их толстыми стволами при желании мог спрятаться кто угодно.

Том кивнул в сторону оранжереи, и вскоре они оба оказались под ее сводами, полностью укрытые от посторонних глаз.

– В этой газетенке есть кое-что о тебе, – сказал Том, протягивая Фрэнку газету. Он стоял спиной к дому, откуда все еще доносились музыкальные пассажи. – Думаю, тебе будет полезно это прочесть.

Фрэнк схватил газету, и по тому, как сжались его пальцы, Том понял, что парнишка смертельно испуган.

– Черт! – вырвалось у него. Он читал и все сильнее стискивал зубы.

– Как думаешь – твой брат действительно может решиться приехать сюда?

– Да. Хотя насчет того, что «семья в отчаянии», они, конечно, перехватили.

– Что, если бы Джонни сейчас появился на пороге со словами: «Ага, вот ты где, оказывается!»?

– С чего бы это ему сюда являться?

– Ты когда-нибудь говорил обо мне с кем-либо из родных? Может, упоминал мое имя в разговоре с Джонни?

– Нет, что вы!

– А о работах Дерватта примерно год назад разве у вас не говорили? Припомни, пожалуйста, – переходя на шепот, допытывался Том.

– Вспомнил. Отец как-то упомянул, об этом писали газеты. Правда, там писали вообще, а не о вас лично.

– Но ты же сам сказал давеча, что вычитал про меня в газетах.

– Так это я читал в городской библиотеке в Нью-Йорке несколько недель назад.

Видимо, он имел в виду архивный отдел прессы.

– И ты ни с кем из близких не поделился сведениями?

– Нет, конечно, – ответил Фрэнк. Он поднял глаза на Тома, но затем уставился на что-то за его спиной, и лицо его приняло испуганное выражение.

Том оглянулся – и увидел приближавшегося вразвалочку человека: это был не кто иной, как сам старина Анри, или, как его чаще называли, Медведь Анри, – высоченный и широченный, как великан из детской сказки.

– Это наш приходящий садовник, – шепнул он Фрэнку. – Не убегай и не дергайся. Только волосы немножко взъерошь, и пускай они отрастают, это тебе вскоре пригодится. Не говори с ним, только скажи «бонжур». В полдень он кончает работать.

Тем временем великан-француз подошел совсем близко, и они слышали его густой бас:

– Здрасьте вам, месье Рипли!

– Здорово, – отозвался Том. – Это Франсуа. Будет сорняки выдергивать.

Фрэнк буркнул свое «бонжур». Он успел взъерошить волосы и как бы с ленцой направился туда, где уже начал прополку, – к дальнему концу лужайки. Том остался доволен тем, как ловко Фрэнк сумел разыграть этот маленький спектакль. В своей заскорузлой синей куртке он вполне мог сойти за местного паренька, которого наняли на пару часов, – тем более что на Анри никак нельзя было положиться, о чем он и сам прекрасно знал. Для него что вторник, что четверг – все было едино, он никогда не являлся в обещанный срок. Анри не проявил ни малейшего удивления при виде паренька, на его губах, едва заметных из-за пышных каштановых усов и буйной бороды, застыла рассеянная улыбка. Одет он был в мешковатые синие брюки, синюю с белым клетчатую рубаху, какие обычно носят лесорубы, и голубенькую полосатую шапку с помпоном, похожую на форменную кепку американских железнодорожных рабочих. Глаза у него тоже были голубые. Он производил впечатление человека, который всегда под хмельком, но Том никогда не видел его пьяным в стельку и думал, что это просто последствия неумеренного потребления алкоголя в прошлом. Теперь Анри было около сорока. Том платил ему по пятнадцать франков в час – независимо от того, что тот делал; платил даже в том случае, если они с Анри просто стояли и обсуждали, какую землю и с какими добавками класть в тот или иной цветочный горшок, или же говорили о способах сохранения клубней георгинов в зимнее время.

Сейчас Том предложил Анри обработать стометровую полосу лужайки, примыкающей к лесу, – ту самую, где трудился и Фрэнк; правда, Фрэнк был на ее противоположном конце, возле дорожки, ведущей в чашу. Том вручил Анри секаторы, а сам взял прочные металлические грабли.

– Поставили бы здесь невысокую каменную ограду и горя бы не знали! – жизнерадостно пробасил Анри, берясь за лопату.

Эту фразу Том слышал от него много раз и не стал утруждать себя ответом, что они с женой предпочитают, чтобы казалось, будто сад незаметно переходит в лес, потому что на это слышал бы давно надоевшие слова о том, что тогда лес вскоре поглотит сад.

Через четверть часа Том прервал работу и, оглянувшись, увидел, что Фрэнка нет. «Ну и ладно, – подумал он. – Это даже к лучшему. Если Анри о нем спросит, можно будет сказать, что парню, видимо, стало лень работать и он ушел». Анри, по счастью, ни о чем не спросил. Через заднюю дверь для прислуги Том прошел на кухню. Мадам Аннет что-то мыла под краном.

– У меня к вам небольшая просьба, мадам.

– Да, месье? Какая?

– Видите ли... Этот молодой человек... ну, который сейчас у нас, очень тяжело переживает свою первую размолвку с любимой девушкой-американкой. Они путешествовали по Франции небольшой группой. Сейчас он не хочет ни с кем из них общаться, и я предложил ему пожить у нас несколько дней, чтобы успокоиться. Я был бы вам очень признателен, если бы вы не говорили в деревне о том, что он здесь, понимаете?

– О, разумеется!

По ее лицу было видно, что мадам Аннет считает сердечные дела предметом сугубо личным, мучительным и полным драматизма – особенно когда речь идет о таком юном существе, как Билли.

– Надеюсь, вы никому о нем не говорили? – спросил Том. Он знал, что мадам Аннет, как и другие слуги, часто посещает кафе-бар Жоржа. Она обычно садится за маленький столик и заказывает себе чай.

– Что вы, месье!

– Ну и хорошо.

Наступил полдень, Анри пробормотал что-то насчет того, что стало жарковато, и хотя Тому так не казалось, он ничего не имел против того, чтобы закончить работу. Они отправились в оранжерею, где в углублении цементного пола для слива излишков воды Том устроил нечто вроде холодильника и всегда держал про запас полдюжины бутылок «Хейнекена». Он достал две бутылки и откупорил их.

Том не помнил точно, что отвечал на бормотанье Анри по поводу урожая малины, его мысли были заняты тем, куда исчез Фрэнк. Анри меж тем неторопливо расхаживал, потягивая пиво из маленькой бутылки и время от времени наклоняясь то над одним, то над другим растением. На нем были башмаки на шнуровке до середины икры с толстой гибкой подошвой. Шика в них не было, зато чувствовалось, что они на редкость удобны. Судя по размеру обуви, у Анри были самые большие ноги, какие Тому когда-либо приходилось видеть. И ручки у него были такие же огромные.

– Нет уж, давайте тридцатку, – заявил Анри, когда Том протянул ему пятнадцать франков. – Неужто не помните? Прошлый раз вы мне пятнадцать недодали.

Том не стал спорить, и Анри отчалил, пообещав появиться на следующей неделе. Анри получал пособие по инвалидности, которую заработал на некоем вредном производстве несколько лет назад. «Существованию Анри, лишенному забот о хлебе насущном, можно, наверное, позавидовать», – подумал Том, глядя вслед могучей фигуре, скрывающейся за украшенным башенкой углом особняка. Том ополоснул руки и вошел в дом через парадный вход. Из гостиной доносились звуки квартета Брамса, но на сей раз это была пластинка. Скорее всего, в той же комнате находилась и Элоиза. Том поднялся вверх. Дверь в комнату Фрэнка была прикрыта, но, когда Том постучал, ему ответили, и он вошел. Оказалось, что Фрэнк уже упаковал чемодан и переоделся. В ногах кровати виднелось аккуратно сложенное постельное белье. Мальчик был на грани нервного срыва, он едва сдерживал слезы, но старался держаться бодро.

– В чем дело? – тихо спросил Том, затворяя за собой дверь. – Ты что, испугался Анри?

Он знал, что дело совсем не в Анри, но ему было важно, чтобы Фрэнк начал говорить. Газета все еще торчала из заднего кармана его брюк.

– Если не Анри, то кто-нибудь другой меня обязательно узнает, – проговорил Фрэнк низким дрожащим голосом.

– Что тебя тревожит? Ведь ничего плохого не случилось, – сказал Том и добавил: – Пока не случилось.

«Джонни с детективом скоро будут во Франции, и тогда игре придет конец, – подумал Том. – Только что это за игра, хотелось бы знать?»

– Почему бы тебе не вернуться домой? – спросил он вслух.

– Это я убил отца, – слышался шепот. – Да, да! Это я сбросил его с... – Фрэнк не смог продолжить. Углы его рта бессильно поползли вниз, он опустил голову и стал похож на маленького старичка.

«Надо же – убийца! – промелькнуло в голове Тома. – Но почему он убил?» Том никогда не встречал человека, столь мало соответствовавшего расхожему представлению о злодее.

– Джонни знает? – спросил он.

– Нет. Никто меня не видел. – Глаза Фрэнка были полны слез, но он не плакал.

Том начинал догадываться, что именно угрызения совести заставили Фрэнка бежать. Или, быть может, чье-то замечание?

– Может быть, мать тебе что-нибудь сказала?

– Нет, не она. Наша экономка, Сьюзи. Но она не видела, она просто не могла ничего видеть. Она была в доме. И потом, она близорукая, а скала из дома даже не видна.

– Она что-нибудь сказала? Тебе или кому-то еще?

– И то и другое. В полиции ей не поверили. Она... она старая, и у нее не все дома. – Фрэнк покрутил головой, словно его пытали, и нагнулся за чемоданом. – Ладно. Я вам признался. Никому другому я бы это не рассказал, и мне все равно, что вы будете делать. Все равно, кому об этом скажете. В любом случае мне отсюда нужно убраться.

– Брось, куда ты пойдешь?

– Не знаю.

Но Том-то знал: с паспортом Джонни из Франции Фрэнку не уехать, и даже внутри страны он может скрываться лишь где-нибудь в полях, и то очень недолго. Том сказал ему об этом и предложил обсудить ситуацию после ланча.

– После ланча? – ошеломленным тоном переспросил Фрэнк, словно его оскорбило само упоминание о еде.

– Теперь приказывать буду я, – произнес Том и приблизился к нему вплотную. – Сейчас время ланча, и, если ты вдруг исчезнешь, это будет выглядеть странно. Возьми себя в руки, поешь поплотнее, а говорить будем потом.

Он собрался пожать руку Фрэнка, но тот отпрянул со сдавленным криком:

– Я уйду, пока меня еще не задержали!

Тогда левой рукой Том стиснул его плечо, правой горло и сказал тихо:

– А я тебе говорю – ты этого не сделаешь! Ты никуда не уйдешь!

Он сразу же отпустил Фрэнка, но и этого оказалось достаточно: Фрэнк смотрел на него широко раскрытыми от испуга глазами.

– Идем. Спускайся со мной, – сказал Том, и юноша безропотно пошел впереди него.

Перед тем как войти в столовую, Том забежал к себе, чтобы избавиться от газеты. На всякий случай он спрятал ее подальше, под обувью, так как не хотел, чтобы мадам Аннет наткнулась на нее даже в корзине для мусора.

5

Внизу в столовой Элоиза поставила высокую вазу с букетом из фиолетовых и белых гладиолусов на кофейный столик. Том знал, что их наверняка срезала мадам Аннет, потому что Элоиза гладиолусы не любила. Она приветливо улыбнулась вошедшим, и Том передернул плечами, словно расправляя пиджак: он намеревался сохранять полное хладнокровие.

– Хорошо провела утро? – спросил он Элоизу по-английски.

– Да. Я видела, что Анри изволил явиться.

– И, как всегда, толку от него – ноль. Билли куда лучше.

Том поманил Фрэнка на кухню, откуда аппетитно пахло жареными бараньими отбивными.

– Извините, мадам Аннет, – сказал он, – нам бы хотелось выпить по небольшому аперитиву перед ланчем.

– Разумеется, месье! Надо было мне сказать, я бы принесла, – отозвалась она и поздоровалась с Фрэнком.

Том подошел к переносному бару, плеснул в стакан немного виски, добавил воды и передал его Фрэнку, шепнув:

– Пусть это тебя немного расслабит, только язык держи за зубами.

Себе он приготовил джин с тоником безо льда, что не встретило понимания у мадам Аннет.

С напитками они вернулись в столовую, где в качестве первого блюда мадам Аннет подала консоме в желе домашнего приготовления. Элоиза принялась увлеченно щебетать о запланированном на конец сентября круизе в Антарктику – утром Ноэль говорила с нею по телефону и сообщила массу «важных подробностей».

– Это ведь не что-нибудь, а Антарктика! – восторженно восклицала Элоиза. – Только подумать, какая одежда нам может понадобится! Надо будет надевать по две пары перчаток!

«И рейтузы», – добавил про себя Том.

– Может, за такую-то цену они там включают местное центральное отопление? – пошутил он.

– Да ну тебя! – весело отмахнулась Элоиза.

Она знала, что ее мужа абсолютно не волнует стоимость круиза: папаша Плиссон наверняка сделает ей подарок: оплатит все, зная, что Том не едет.

Фрэнк поддержал разговор и на вполне сносном французском стал расспрашивать о подробности путешествия и о том, сколько человек будет на борту судна. Тома приятно поразило полученное мальчиком воспитание, которое предписывает в трехдневный срок отсылать благодарственное письмо за полученный подарок, независимо от того, понравился он тебе или нет, равно как и от твоего отношения к пославшему его родственнику. У среднего американского паренька вряд ли хватило бы выдержки оставаться спокойным в подобной ситуации. Мадам Аннет во второй раз стала обносить всех отбивными – на блюде оставалось целых четыре, Элоиза съела всего одну, и Том подложил Фрэнку третью порцию.

И тут раздался телефонный звонок.

– Я возьму трубку, – сказал Том. Странно – кто мог звонить им в это священное для всякого француза время приема пищи?! – Слушаю! – произнес он.

– Здравствуй, Том, это Ривз.

– Я сейчас, – отозвался Том. Он положил трубку на столик и сказал: – Это междугородный звонок, Элоиза. Я поговорю наверху, чтобы не мешать вам.

Он взбежал по лестнице, попросил Ривза подождать еще немного, спустился, положил трубку в столовой на рычаг и, поднимаясь снова, подумал о том, что звонок Ривза – большая удача. Для Фрэнка, вероятно, понадобится новый паспорт, а Ривз – как раз тот человек, который может в этом помочь.

– Какие новости, дружище? – проговорил он в трубку.

– Да, почитай, никаких, – ответил Ривз Мино хрипловатым голосом на примитивном английском. – Есть одно дельце, поэтому я и звоню. Ты можешь приютить человечка – всего на одну ночь, а?

– Когда? – спросил Том, которого эта идея отнюдь не обрадовала.

– Завтра. До Море он доберется сам, тебе не придется тащиться в аэропорт, но... в гостинице лучше ему не останавливаться.

Том нервно стиснул телефонную трубку. «Человечек» наверняка провозил что-нибудь незаконное, так как главным занятием Ривза была скупка и перепродажа краденого.

– Да, разумеется, – вслух произнес Том. Он понимал, что, если откажется, Ривз, в свою очередь, тоже может заупрямиться и не выполнить его просьбы. – Говоришь, всего на одну ночь?

– Да, только на ночь. Потом он поедет в Париж. Это все, что я могу сказать по телефону.

– Значит, я должен встретить его в Море? Опиши мне его.

– Он к тебе сам подойдет. Невысокий, около сорока, волосы темные. Погоди, у меня тут расписание рядом. Эрик успеет на поезд, который будет в Море в восемь пятнадцать.

– Очень хорошо.

– Похоже, ты не в восторге. Но это важно для меня, Том, и я буду тебе очень...

– Пустяки, старина! Конечно, я все устрою. Кстати, уж коли ты сам позвонил, мне нужен американский паспорт. Фото я тебе вышлю экспресс-почтой в понедельник, так что ты получишь его самое позднее в среду. Ты ведь по-прежнему в Гамбурге?

– Да, все на том же месте, – безмятежно отозвался Ривз, как будто речь шла о его кондитерской, хотя его апартаменты в районе Альстера уже один раз взрывали. – Паспорт для тебя?

– Нет, для того, кто значительно моложе, то есть никак не старше двадцати одного, так что документ не должен выглядеть потрепанным. Сделаешь? Ну, пока.

Том повесил трубку. Когда он спустился вниз, уже было подано малиновое мороженое.

– Извините, ничего важного, – сказал Том. Он с удовольствием заметил, что Фрэнк выглядит пободрее и уже не так бледен.

– Кто звонил? – спросила Элоиза.

Она очень редко задавала подобные вопросы. Том знал, что она подозрительно относится к Ривзу, недолюбливает его, но не стал лгать.

– Собирается приехать?

– Нет, просто хотел поболтать. Кофе будешь, Билли?

– Нет, спасибо.

Элоиза почти никогда не пила кофе днем, не стала и теперь. Том сказал, что Билли хотел посмотреть его книги, посвященные истории боевых кораблей, и вместе с юношей поднялся к себе.

– Чертовски не ко времени этот звонок, – заметил Том. – Мой гамбургский приятель просит приютить своего друга. Правда, всего на одну ночь, но отказать я не смог, этот приятель – человек очень полезный.

– Хотите, чтобы я переехал в гостиницу или куда-нибудь рядом с вами? Или лучше мне просто исчезнуть? – спросил Фрэнк.

Том отрицательно покачал головой. Опершись на локоть, он лежал на постели.

– Ни то ни другое. Я помешу его в твою комнату, ты переберешься в мою, а я переночую у Элоизы. Ты посидишь взаперти, а гостю я скажу, что мы проводим здесь дезинфекцию от жучков-древоточцев и потому дверь открывать нельзя. Не волнуйся. Я абсолютно уверен, что утром он уедет, этих друзей Ривза я уже принимал не раз.

Фрэнк присел на деревянный стул возле письменного стола.

– Тип, который приедет, – он что, один из ваших друзей... по интересам?

– Нет. Типа, который приедет, я не знаю вовсе, – с улыбкой отозвался Том. «Другом по интересам», как выразился Фрэнк, был Ривз Мино. Возможно, это имя тоже попадалось Фрэнку в газетах, но Том эту тему развивать не стал. – Поговорим-ка лучше о твоих делах, – сказал Том. Он заметил, как Фрэнк сразу помрачнел, ему и самому было не по себе. Чтобы как-то разрядить обстановку, Том снял ботинки и устроился поудобнее, подложив под голову подушку. – Кстати, за ланчем ты вел себя молодцом.

Фрэнк внимательно посмотрел на него, но выражение его лица не изменилось.

– Вы спросили – я рассказал, – выговорил он. – Кроме вас, про это не знает никто.

– Пускай так оно и остается. Не признавайся ни под каким видом, никогда. Теперь скажи-ка: в котором часу это случилось?

– Часов в семь-восемь, – дрогнувшим голосом ответил юноша. – Отец любовался закатом. Летом он делал это почти каждый вечер. Я не хотел... – Его голос прервался. – Я совершенно не собирался этого делать, – проговорил он спустя минуту-другую. – Даже не скажу, чтобы я был очень зол на него, ни чуточки. Позднее... на другой день я сам не мог поверить, что это сделал. Не мог – и все тут!

– Я тебе верю.

– Обычно я в это время не сопровождал отца, мне казалось, ему нравится быть одному, но в тот день он настоял, чтобы я пошел с ним. Он сел на своего конька – завел речь о моих успехах в школе, о том, что уже скоро мне предстоит поступить в Гарвардскую школу бизнеса и как мне там будет просто учиться. Он даже пытался сказать что-то хорошее о Терезе, потому что знал, что я... что она мне нравится. До того дня ни одного доброго слова о ней он не сказал. Не одобрял ее приездов, хотя она и была-то у нас в поместье всего два раза, бубнил, что глупо влюбляться и жениться в шестнадцать лет. Да я и слова-то «женитьба» никогда не произносил, я даже Терезе ничего такого не предлагал, она бы подняла меня на смех!..

Короче, в какой-то миг я больше не мог всего этого слышать, не мог вынести этой фальши во всем – с начала до конца!

Том собирался его прервать, но Фрэнк было не остановить.

– Оба раза, когда Тереза приезжала, – горячо говорил он, – отец был с ней не очень-то вежлив, косился на нее неодобрительно, может, оттого, что видит... видел, что она очень хорошенькая и многим нравится. Глядя на него, можно было подумать, что я ее на улице подобрал! А Тереза – очень вежливая, очень воспитанная, и ей это сразу не понравилось, и ясно, она не собиралась снова появляться у нас, она этого прямо не сказала, но я понял.

– По отношению к тебе это было жестоко с его стороны.

– Да уж, – отозвался Фрэнк. Судя по всему, он не знал, как продолжить свой рассказ.

Том, конечно, мог бы спросить, почему ему не пришло в голову встречаться у Терезы или прокатиться разок-другой в Нью-Йорк, но Тому не хотелось, чтобы Фрэнк отвлекся от основной темы.

– Кто в тот день находился в доме, кроме экономки Сьюзи? – спросил он.

– Мама и брат. Мы играли в крокет, потом Джонни прекратил игру, у него было свидание с девушкой, ее семья живет... Ну, это неважно. Когда Джонни садился в машину, отец был на террасе перед домом, и они попрощались. Помню у Джонни в руках был огромный букет роз из нашего сада, и я еще подумал, что если бы не отношение отца к Терезе, то и мы с ней вот так же могли поехать куда-нибудь вместе. Правда, мне отец еще не разрешает водить машину, но я умею, Джонни научил меня, мы тренировались в дюнах на побережье. Отец вечно брюзжал, что я попаду в катастрофу и разобьюсь, но в Техасе и Луизиане парням и в пятнадцать уже спокойно позволяют сидеть за рулем.

– Ну хорошо. Что же было после того, как Джонни уехал? Как я понял, вы с отцом разговаривали?

– Нет. Он говорил, я только слушал. Это было в библиотеке, и мне все время хотелось как можно скорее сбежать от него, а он вдруг говорит: «Идем со мной, посмотришь, как солнце садится, это тебе пойдет на пользу». На душе у меня было скверно, и я изо всех сил старался это скрыть. Наверное, мне следовало отказаться и уйти к себе, но я этого не сделал. А потом пришла Сьюзи, она не злая, но уже начала впадать в детство, и мне с ней не по себе. Она пришла и стала следить за тем, чтобы отец благополучно съехал с задней террасы в сад – там вместо ступенек специальный пандус устроен. Она могла бы и не трудиться, отец прекрасно справлялся с этим сам. Потом она ушла в дом, а мы двинулись по широкой, мощенной камнем

аллее к лесу и скале. Едва мы там оказались, отец принялся за меня снова. Это продолжалось, наверное, минут пять, а потом я просто больше не в состоянии был все это слушать.

Фрэнк низко опустил голову, и его правая рука сжалась в кулак.

Том нервно сморгнул, он не мог выдержать взгляда устремленных прямо на него мальчишеских глаз.

– Там какая скала – отвесная?

– Довольно крутая, но не до самой воды. Достаточно крутая, чтобы разбиться, если... если упадешь. Там повсюду камни внизу.

– Деревьев много? – спросил Том. Ему важно было выяснить, мог ли кто-нибудь быть свидетелем происшествия. – Лодки, суда какие-то видел?

– Лодок не было, там и пристать негде, а деревья – их полно. Все больше сосны. Это все наша земля, мы специально оставили этот угол лесистым, только дорогу прорубили от дома до скалы.

– Уверен, что из дома тебя нельзя было разглядеть – предположим, в бинокль?

– Уверен. Даже зимой, когда отец там, его из дома не видно, – ответил Фрэнк, тяжело вздохнул и добавил: – Спасибо, что выслушали меня. Может, мне лучше высказать все это в письменном виде, чтобы хоть как-то облегчить душу. Это ужасно. Я даже не могу понять, как я мог... Странно...

Он внезапно перевел взгляд на дверь, словно лишь в эту минуту подумал о том, что его мог слышать кто-то еще, но из-за двери не доносилось ни звука.

– И правда: возьми и опиши все как было, – ответил Том с легкой улыбкой. – Можешь показать мне, а потом мы уничтожим текст.

– Хорошо, – тихо произнес Фрэнк. – Помню только, что у меня возникло чувство, что я просто не в состоянии больше видеть перед собой эту голову и эти плечи. И я подумал... Нет, не знаю, что там я подумал, только бросился вперед, сорвал тормоз, нажал кнопку и подтолкнул кресло вперед. Оно перевернулось и полетело вниз. Дальше я не смотрел. Слышал только грохот.

В своем воображении Том увидел все это так ясно, что ему стало нехорошо. Он подумал об отпечатках пальцев на кресле, но потом решил, что полиция наверняка сочла это вполне естественным, раз Фрэнк сопровождал отца.

– Про отпечатки пальцев никто не говорил при тебе?

– Нет.

Значит, подозрений не возникло, отпечатки пальцев – первое, чем занимается полиция, если у них есть сомнения относительно причин смерти.

– А на кнопке движения?

– Кажется, я ударил по ней ребром ладони.

– Вероятно, мотор еще работал, когда добрались до коляски.

– Да, что-то про это они говорили.

– Ну и что ты сделал – я имею в виду, потом?

– Я не смотрел вниз. Просто повернулся и пошел к дому. Я вдруг почувствовал, что дико устал. Это было так странно... Потом побежал – словно очнулся после сна. На лужайке перед домом никого не было, но в столовой я увидел Юджина – он у нас и шофер, и дворецкий – и сказал, что отец только что свалился со скалы. Он велел мне сообщить маме и сказать, чтобы звонила в больницу, а сам побежал к скале. Мама была наверху, смотрела телевизор вместе с Тэлом. Я ей сказал, и Тэл стал звонить в больницу.

– Кто такой Тэл?

– Мамин приятель из Нью-Йорка, полное имя – Тэлмедж Стивенс. Он юрист, но к делам отца отношения не имеет. Спортсмен. Он... – Фрэнк внезапно замолчал, и у Тома мелькнула мысль, что, быть может, этот Тэл – любовник его матери.

– Тэл тебе что-нибудь сказал? Спрашивал тебя о чем-нибудь?

– Нет. Это я сказал... сказал, что отец сам столкнул кресло вниз.

– Потом, наверное, приехала «скорая», а затем полиция – верно?

– Да. Пока его и коляску доставали, прошло не меньше часа. Им пришлось работать при прожекторах. Ну а потом набежали журналисты. Правда, мама и Тэл быстро от них избавились, это у них хорошо получается. Маму они просто до бешенства довели, но все они местные.

– А после были и другие?

– Ну да. С двумя пришлось поговорить матери, с одним – мне.

– Что ты сказал? Только повтори слово в слово.

– Сказал, что отец находился у самого края. Сказал, что считаю, будто он на самом деле хотел скатиться вниз. – Последние слова дались Фрэнку с трудом. Он встал со стула, подошел к полуоткрытому окну, потом обернулся и произнес: – Я соврал. Об этом я вам уже говорил.

– А у матери не возникло никаких подозрений на твой счет?

– Я бы сразу понял, если бы это случилось. Нет, никаких. В семье меня считают разумным, что ли. И правдивым. – Фрэнк нервно усмехнулся. – Джонни в мои годы был куда менее послушным. Ему приходилось нанимать репетиторов, он все время сбегал из школы в Гротоне домой в Нью-Йорк. Потом стал спокойнее. Я не говорю, что он много пил, но травку покуривал, кокаином баловался. Теперь вроде бросил. По сравнению с ним я – паинька. Потому-то отец так и жал на меня – понимаете? Хотел, чтобы я продолжил его дело. Как же, как же – империя Пирсонов!

Фрэнк взмахнул руками и усмехнулся. Было видно, что он очень устал. Он сел на прежнее место, откинул назад голову и полускрыл глаза.

– Знаете, о чем я иногда думаю? О том, что мой отец был живым только наполовину и все равно стоял одной ногой в могиле. Может, я так думаю для того, чтобы хоть немного оправдать себя? Ужасная мысль!

– Давай-ка вернемся к Сьюзи. Она считает, что это ты спустил под откос отцовское кресло? Она сама тебе об этом сказала?

– Да. Утверждала даже, будто видела это из дома, поэтому ей никто и не верит, – скалу из дома не видно. Вид у нее был как у помешанной, когда она это сказала.

– Она и с твоей мамой говорила?

– Уверен, что говорила, только мама ей не поверила. Сьюзи ей не очень-то нравится. Это отец ее любил – за ее надежность. Она с нами уже давно – с самого нашего с Джонни детства.

– Она у вас была гувернанткой?

– Нет, скорее домоправительницей. Гувернанток нам нанимали отдельно, в основном англичанок, – в помощь маме. От последней мы избавились, когда мне было почти двенадцать.

– А Юджин? Он что-нибудь сказал?

– Про меня? Нет, ничего такого.

– Он тебе нравится?

– Он хороший парень, – отозвался Фрэнк и повеселел на глазах. – Он лондонец, и с чувством юмора у него все в порядке. Правда, когда отец слышал, что мы с ним шутим, то каждый раз выговаривал мне, что с шоферами и прислугой заигрывать не полагается.

– Кто еще из прислуги был в доме?

– В это лето – никого из постоянных, только приходящие. Садовник Вик на весь июль взял отпуск, так что кого-то там нанимали. Отец предпочитал, чтобы, когда семья приезжала из Нью-Йорка, в поместье находилось как можно меньше посторонних – слуг и секретарей.

«Вполне вероятно, – подумал Том, – что Лили и Тэл не особенно опечалены кончиной Джона Пирсона. Что же там происходило в эти летние дни и вечера?» Том достал из ящика около двух десятков листов бумаги, отдал их Фрэнку и, указывая на стол с пишущей машинкой, сказал:

– Это тебе на тот случай, если будет желание все это изложить. Печатай или пиши – как тебе больше нравится.

– Спасибо, – сказал Фрэнк, задумчиво глядя на чистые листы.

– Тебе, вероятно, хочется куда-нибудь пойти, но боюсь, что пока не стоит.

– А я как раз об этом думал.

– Можешь, правда, пройтись по лесной дороге позади дома, ею редко пользуются, разве что какой-нибудь фермер пройдет. Дорога начинается за тем местом, где мы сегодня утром работали, – помнишь?

Паренек сразу устремился к двери.

– И не убегай, – добавил Том, заметив состояние Фрэнка. – Через полчаса возвращайся, иначе я начну нервничать. Часы с собой?

– Да. Сейчас на моих два сорок две.

Том сверился со своими, убедился, что они отстают всего на одну минуту, и сказал, что если Фрэнк предпочтет затем отпечатать признание на машинке, то пусть возьмет ее и перенесет к себе.

Паренек вышел. Он оставил бумагу в комнате и сразу стал спускаться. Через боковое окно Том проследил, как Фрэнк пересек лужайку и затем стал пробираться сквозь кустарник. Один раз он упал, но в целом ловко преодолевал препятствия, подпрыгивая, словно настоящий акробат. Вскоре дорога повернула вправо, и деревья скрыли его.

Отчасти для того, чтобы послушать трехчасовые новости, отчасти чтобы перебить тягостное впечатление от рассказа Фрэнка, Том включил приемник.

Его поразило самообладание Фрэнка. Другой на его месте вряд ли смог бы без истерики рассказать все до конца. Может быть, свой первый шок он уже пережил раньше – либо еще дома, в Мэне, либо в Лондоне, либо, может, в домике у мадам Бутен, где, лежа в одиночестве и без сна, дрожал от ужаса перед неминуемым разоблачением? Или несколько слезинок, которые он обронил перед ланчем, – это все, что потребовалось, чтобы пережить содеянное? В Нью-Йорке найдется немало мальчишек и девчонок не старше десяти, которые либо бывали свидетелями убийств, либо сами принимали участие в бандитских схватках со смертельным исходом, – и все это не вызывало у них никаких всплесков эмоций, но Фрэнк явно не из их числа.

«Чувство вины, испытываемое им, обязательно должно как-то проявиться, – думал Том, – и не обязательно это проявление должно стать зеркальным отражением, иллюстрацией прожитого. Оно может принять самую странную форму, иногда неожиданную не только для окружающих, но и для самого человека».

Тому почему-то расхотелось слушать радио, и он спустился на кухню, к мадам Аннет, которая была занята довольно неприятным делом: опускала живого лангуста в огромный кипящий котел. Том увидел, как она поднесла шевелящего ножками лангуста к струе пара, и замер на пороге, жестом показав, что предпочитает переждать этот процесс вне кухни.

Мадам Анкет понимающе улыбнулась: с подобной реакцией Тома она сталкивалась не впервые. Неужто лангуст действительно протестующе зашипел или это лишь показалось Тому? И не последний ли его предсмертный яростный писк ударил сейчас по чутким слуховым рецепторам его нервной системы?! И где этому обреченному существу привелось проводить свою последнюю ночь, потому что мадам Аннет наверняка купила его у владельца рыбного фургона еще вчера? Лангуст был большой – не чета маленьким своим собратьям, которые тщеславно извивались, подвешенные вниз головой в холодильном шкафу...

Услышав, что крышка кастрюли хлопнула, он, чуть склонив голову, снова вошел в кухню.

– У меня ничего особо важного, мадам Аннет, я лишь хотел...

– Ах, месье Тома, – воскликнула мадам, – вы всегда так переживаете из-за этих лангустов, да и не только из-за них – даже из-за людей, а? – И она прыснула со смеху. – Я рассказываю об этом своим подружкам – Женевиэве и Мари-Луизе.

Так звали ее товарок, которые служили в домах местной знати. Мадам Аннет встречалась с ними, когда производила закупки. Иногда они собирались вместе – особенно когда по телевизору показывали что-нибудь интересное, – телевизоры были у всех.

– Видно, я желтопеченочник. – Том сказал это по-французски и понял, что его вольный перевод неудачен. По-английски идиома, обозначающая человека чересчур чувствительного, слабовольного, буквально переводится как «желтобрюшник» или «бледнопеченочник». Ай, ладно – сойдет и так. – У нас ожидается еще один гость, правда только на один день – воскресенье, в понедельник утром он уедет. Я привезу его около восьми тридцати, прямо к ужину, и помещу в комнату, где сейчас живет молодой человек. Сам проведу ночь у жены, а Билли займет мою комнату. Утром я вам еще об этом напомним.

Про себя он знал, что в нападении мадам Аннет не нуждается.

– Хорошо, месье. Он тоже американец?

– Нет, европеец, – сказал Том. Он почувствовал запах вареного лангуста и поспешил ретироваться. Он поднялся к себе и послушал новости. О Фрэнке Пирсоне не было сказано ни слова. Передача кончилась. Том взглянул на часы. После ухода Фрэнка прошло ровно тридцать минут. Он выглянул в окно, однако в лесной чаще за садом никакого движения не наблюдалось. Он закурил сигарету, снова подошел к окну – никого. Часы показывали семнадцать минут четвертого. «Для беспокойства нет никаких оснований, – успокаивал себя Том. – Что такое десять минут, в конце концов? Да и много ли людей пользуется этой дорогой? Разве что какой-нибудь полусонный фермер верхом или на тележке или старик на тракторе, сокращающий путь до своего поля на противоположной стороне шоссе». И все же Том тревожился. А ну как кто-нибудь проследил парнишку от Море до Бель-Омбр? Том недавно посетил шумное кафе Жоржа и выпил там кофе специально для того, чтобы узнать, не появлялся ли там какой-нибудь незнакомец, проявлявший особый интерес к его персоне. Он не увидел ни одного нового лица, и, что более важно, общительная Мари не стала его расспрашивать о том, что за мальчик живет в его доме. Тома это тогда слегка обнадежило.

В три двадцать Том спустился вниз. Куда подевалась Элоиза? Через итальянское окно он вышел в сад, пересек лужайку и двинулся к лесной дороге. Он шел, глядя себе под ноги и каждую минуту ожидая, что мальчик его окликнет. Да полно – ждал ли на самом деле? Он подобрал камешек и неловко запустил его левой рукой в подлесок, отбросил ногой плеть ежевики и оказался на лесной дороге. Теперь он мог видеть перед собой по крайней мере ярдов на тридцать, поскольку дорога была прямой. Том шел, прислушиваясь к каждому шороху, но до его слуха доносились лишь невинно-рассеянные вскрики ласточек и воркование лесной голубки.

Естественно, он не стал звать вслух паренька ни одним из его имен – ни настоящим, ни вымышленным. Пройдя немного, он остановился и прислушался. Ни звука. Не слышно даже машин на главной дороге. Том побежал трусцой. Он решил поскорее выяснить, где кончается лесная дорога. По его предположениям, где-то через километр она должна была соединиться с большой, но тоже не заасфальтированной, с более оживленным движением. По обеим ее сторонам шли поля, засеянные либо кормовым зерном, либо капустой, реже – горчицей. Он внимательно оглядывал придорожные кусты: свежесломанные ветки могли означать, что в этом месте боролись, однако с таким же успехом они могли быть обломаны телегой или фургоном, к тому же никаких посторонних предметов он в листьях не углядел. Наконец он достиг перекрестка. Как он и предполагал, более широкая дорога шла дальше уже по открытому пространству среди полей. Где-то поблизости, очевидно, стояли дома фермеров, но Тому они были не видны. Он вздохнул и повернул назад. Может быть, Фрэнк давно в доме, у себя в комнате? Он снова побежал.

– Том! – послышался оклик справа.

Том заскользил по траве и замер, вглядываясь в чашу. Он так ничего и не увидел. Фрэнк возник перед ним словно ниоткуда – его серые брюки и бежевый свитер были неотличимы от зеленой массы с солнечными бликами на ней. Том испытал такое облегчение, что ему стало больно дышать.

– С тобой ничего не случилось?

– Нет, конечно, – ответил Фрэнк. Опустив голову, он зашагал рядом с Томом.

И Том догадался: паренек спрятался намеренно, спрятался для того, чтобы выяснить, действительно ли его будут искать, проверить, можно ли доверять Тому.

Фрэнк исподтишка посмотрел на него, и Том сказал:

– Ты запоздал и не вернулся в обещанное время.

Фрэнк не ответил, только глубже засунул руки в карманы – совсем как это обычно делал Том.

6

В тот же субботний день, ближе к вечеру, Том сказал Элоизе, что ему не очень хочется ехать на ужин к Грацам, куда они были приглашены к восьми.

– Поезжай одна, – предложил он.

– Ну почему, Том? Мы можем попросить их пригласить и Билли. Они наверняка не откажут.

Элоиза в голубых джинсах в этот момент стояла на коленях и протирала воском только что купленный ею на аукционе треугольный столик.

– Дело не в Билли, – сказал Том (хотя дело было именно в Билли). – У них всегда бывает и еще кто-то, ты не будешь скучать. Хочешь, я сам позвоню и извинюсь?

– Прошлый раз Антуан тебя обидел – в этом все дело, ведь так? – сказала Элоиза, откидывая со лба пряди белокурых волос.

Том рассмеялся:

– Разве? Не помню. Он не в состоянии меня обидеть, может лишь рассмешить.

Антуан Грац, сорока лет от роду, был трудягой-архитектором и прилежным садоводом-любителем. Он с легким презрением относился к праздной жизни, которую вел Том, чего даже и не пытался скрывать.

Его обидные замечания никак не задевали Тома, он пропускал их мимо ушей, и Элоиза слышала далеко не все, что было сказано Антуаном в его адрес.

– Замшелый пуританин – вот кто такой твой Антуан, – добавил он. – В Америке такие водились лет триста назад. Нет, просто сегодня мне хочется посидеть дома. Мне вполне хватает того, что я слышу о Шираке от местных патриотов.

Антуан придерживался крайне правых убеждений и скорее дал бы себя застрелить, чем быть застигнутым с «Франс диманш» в руках. Однако он был как раз из тех, кто вполне мог заглянуть в эту газетку через чье-то плечо в кафе-баре. Тому только этого и не хватало, чтобы Антуан опознал в Билли Фрэнка Пирсона! Ни Антуан, ни его жена Аньес, которая ненамного уступала по части лицемерия своему супругу, ни за что не стали бы молчать, если бы это случилось.

– Хочешь, чтобы я им позвонил, дорогая? – спросил Том.

– Нет. Просто приеду сама по себе – и все.

– Скажи, что у меня гостит один из моих непрезентабельных приятелей, – сказал Том. Он знал, что всех его знакомых Антуан тоже числит чуть ли не в паразитах. Постой-ка – с кем же из них Антуану как-то случилось встретиться? Ах да – с «гениальным» Бернардом

Тафтсом, который частенько выглядел неопрятным и временами витал в облаках, пренебрегая правилами вежливости.

– Я нахожу Билли вполне презентабельным, – сказала Элоиза, – и знаю, что тебя смущает не его поведение. Просто ты не любишь Грацев.

Тому надоел этот разговор, к тому же он так нервничал из-за присутствия в доме Фрэнка, что с трудом удержался от резкого замечания, что Грацы и вправду зануды, каких поискать.

– Что ж, таких, как они, немало, – уклончиво отвечал он. Том решил отказаться от прежнего намерения немедленно сообщить Элоизе о том, что завтра к ним приедет Эрик Ланц.

– Лучше скажи, тебе действительно нравится столик? Я его поставлю к себе в спальню, в уголок, с той стороны, где ты спишь, а тот, который у меня сейчас, будет выглядеть прекрасно в гостевой комнате, между двумя кроватями.

– Он действительно хорош. Я запомнил – сколько ты за него заплатила?

– Всего четыреста франков. Изделие Шэна а-ля Людовик Пятнадцатый, самой этой копии не менее ста лет. Знал бы ты, как я торговалась!

– Молодец, выгодно купила, – заверил ее Том.

Он не кривил душой – столик был красив и в хорошем состоянии, на нем даже можно было сидеть, чего, конечно, никто делать не собирался. К тому же Элоизе нравилось думать, что она умеет покупать задешево, что, мягко говоря, не всегда соответствовало действительности.

Том отправился к себе, где ему предстояло провести час за скучнейшим занятием – приведением в порядок счетов за очередной месяц, чтобы затем вручить их своему бухгалтеру, вернее, не своему, а тому самому Пьеру Сольвею, который занимался финансами папаши Плиссона. Разумеется, счета обоих – августейшей особы Плиссона и Тома – велись отдельно, однако Том был доволен уже тем, что не ему, а Плиссону приходилось оплачивать услуги бухгалтера, а также тем, что старикан относился к финансовой политике Тома с одобрением: уж конечно, этот пройдоха уделял часок-другой, чтобы проглядывать его отчеты!

Суммы, которые Плиссон выделял своей дочери, налогами не облагались, так как передавались наличными. Те десять тысяч франков, то есть при хорошем курсе около двух тысяч долларов, которые поступали Тому от компании Дерватта, тоже проходили мимо носа налоговой инспекции – они поступали из Швейцарии в виде чеков, поскольку до того «отмывались» через Перуджу, где находилась художественная школа имени Дерватта, хотя кое-что поступало прямо от продаж Бакмастерской галереи. Кроме того, Том имел десять процентов прибыли от продаж продукции магазинов сети «Дерватт»: подрамников, шпателей, мольбертов и прочего; но в любом случае переправлять деньги из Италии в Швейцарию было гораздо безопаснее, чем из Лондона прямо в Вильперс. Помимо всего этого, были еще отчисления от дарственной на имя Тома от Дикки Гринлифа – в виде ценных бумаг. Первоначально эта сумма составляла около четырехсот, но теперь возросла до восемнадцати сотен долларов ежемесячно. Как это ни странно, с этих денег Том честно выплачивал довольно кругленькую сумму, взимаемую в США. В этом была своя ироническая справедливость, поскольку дарственная была поддельной: Том сам «завещал» себе эти ценные бумаги, и подпись, которую он поставил в Венеции под документом после смерти Дикки, была им тоже подделана. Если все это подсчитать, то выходило, что содержание Бель-Омбр обходится ему просто в копейки.

Через четверть часа прилежных усилий у Тома голова пошла кругом. Он встал и закурил сигарету.

«Вообще-то, мне грех жаловаться», – думал Том, глядя в окно. Доход от компании «Дерватт» он задекларировал во Франции, но только частично, указав в качестве источника дохода «Дерватт Лимитед». Он вложил деньги во французские акции, кроме того, приобрел несколько ценных бумаг американского казначейства и каждый раз, как законопослушный член общества, указывал процент прибыли. Во французской декларации он должен был приводить лишь

доход, полученный в пределах Франции, тогда как для налоговой службы Штатов полагалось указывать все доходы, независимо от месторасположения их источника. Том получил французское гражданство, хотя свой американский паспорт хранил до сих пор. Все ежемесячные отчеты Тому приходилось дублировать на английском, так как Сольвей занимался и его расчетами с налоговой инспекцией Штатов.

«От всего этого и одуреть недолго», – подумал Том. Бумаги – истинное проклятие для всех граждан Франции. Для того чтобы оформить, к примеру, простую страховку на медицинское обслуживание, каждому надлежит заполнить неимоверное количество всяческих анкет – даже если у него нет ни гроша за душой.

Несмотря на природную склонность к математике, бледно-зеленые, аккуратно разграфленные листы, где наверху колонки следовало вписать полученную сумму, а внизу зафиксировать остаток, наводили на Тома невероятную скуку, и он не удержался от проклятия. Ничего – еще одно усилие, назначенные им самим шестьдесят минут истекут – и делу конец. Правда, это финансовый отчет за июль, а сейчас уже август кончается.

Том вспомнил о Фрэнке, который, вероятно, именно теперь трудился над описанием последнего дня своего отца. Время от времени до Тома доносился стук пишущей машинки, а один раз его слух уловил что-то похожее на стон. Мучается, наверное, парень. Звуки машинки иногда надолго стихали, похоже, какую-то часть признания Фрэнк писал от руки. Том взялся за последнюю, самую маленькую пачку – счета за телефон, воду, электричество, ремонт автомобилей. Наконец с ними было покончено, и все они, за исключением погашенных чеков, которые по закону должны были храниться в банке, были вложены в отдельный конверт, а тот вместе с другими такими же отчетами за месяц – в большой конверт, адресованный Пьеру Сольвею. Том запихнул запечатанный конверт в левый нижний ящик стола, поднялся с чувством исполненного долга и с наслаждением потянулся.

В этот момент снизу до него донеслись звуки рок-н-ролла. Элоиза поставила одну из своих любимых пластинок – Лу Рида. Том прошел в ванную, ополоснул лицо и взглянул на часы. Бог мой – без десяти семь! Пора поставить Элоизу в известность о прибытии гостя.

В холле он встретил выходящего из своей комнаты Фрэнка.

– Я услышал музыку, – объяснил он. – Это радио? Ой, нет, пластинка!

– Элоиза поставила. Давай спустимся к ней.

Вместо свитера на Фрэнке была рубашка, видимо, он так спешил, что даже не успел заправить ее в брюки. На лице его блуждала неопределенная улыбка, и он, словно в трансе, съехал вниз по перилам лестницы. Видимо, он очень любил музыку. Элоиза включила проигрыватель на полную громкость и с увлечением танцевала одна, азартно двигая плечами и локтями. Когда мужчины вошли, она смущенно остановилась и убавила звук.

– Пожалуйста, не приглушайте из-за меня! – воскликнул Фрэнк. – Мне и так очень нравится.

«На почве музыки у них с Элоизой намечается полное взаимопонимание», – подумал Том.

– С проклятыми счетами покончено! – сообщил он. – Ты уже переоделась? Прелестно выглядишь!

На Элоизе было голубое платье с черным кожаным пояском и черные туфли на высоченном каблуке.

– Я позвонила Аньес. Она просила приехать пораньше, чтобы мы успели поболтать.

– Вам нравится эта пластинка? – спросил Фрэнк, взирая на Элоизу с нескрываемым восхищением.

– Очень.

– У меня дома тоже она есть.

– Давай потанцуй, – весело предложил Том, хотя видел, что Фрэнк пока что держится довольно скованно.

«Нелегко ему, бедняге, – подумал Том. – Только что сочинял признание в убийстве, а тут – танцы!»

– Успешно поработалось? – спросил он тихо.

– Семь с половиной страниц. Часть на машинке, часть от руки.

Элоиза стояла у проигрывателя и не слышала их.

– Дорогая, – обратился к ней Том, – завтра я должен встретить приятеля Ривза. Он у нас переночует всего одну ночь. Билли побудет в моей комнате, а я – у тебя.

– А кто это? – спросила Элоиза, поворачивая к нему свое хорошенькое подкрашенное личико.

– Ривз сказал, что его зовут Эрик. Я его подхвачу в Море. У нас ведь на завтрашний вечер ничего не планируется?

Элоиза отрицательно покачала головой.

– Пожалуй, мне пора, – произнесла она и взяла с телефонного столика сумочку, а из гардероба – прозрачный плащ, потому что небо хмурилось.

Том пошел проводить ее до машины.

– Да, между прочим: будь так добра, не говори Грацам, что у нас кто-то живет, не упоминай про мальчика из Штатов. Скажи просто, что я остался, потому что жду важного звонка.

Элоизу вдруг осенила идея.

– Слушай, уж не прячешь ли ты Билли по просьбе Ривза? – спросила она, уже сидя в машине.

– Нет, солнышко. Ривз о Билли и слыхом не слыхивал. Билли просто паренек из Штатов, которому нравится работать в саду. Но ты же сама знаешь, какой сноб этот Антуан: ах, ах, как можно селить у себя в доме какого-то садовника! – вот что он скажет. Ну, приятного тебе вечера. Обещаешь? – проговорил он, целуя ее в щеку. Он имел в виду ее обещание ничего не говорить в гостях о Билли.

По ее кивку и спокойной, чуть ироничной улыбке он знал, что она его поняла и не проговорится. Она была в курсе того, что муж временами оказывал Ривзу кое-какие услуги, – иногда она догадывалась об их характере, иногда – нет. Знала только, что они каким-то образом приносили деньги, а это она одобряла. Том отворил ворота, помахал ей вслед и вернулся в дом. В четверть десятого он, лежа на постели, читал то, что изложил на бумаге Фрэнк. Начиналось его повествование так:

«Суббота, 22 июля, началась для меня как всегда – ничего необычного. Солнце светило вовсю, и день – в смысле погоды – обещал быть прекрасным. Сейчас мне это кажется странным вдвойне, потому что утром я и представить не мог, чем он закончится. Никаких особых планов у меня не было. Помню, около трех Юджин спросил, не хочу ли я сыграть в теннис, поскольку гостей в доме не было и у него оказалось свободное время. Я отказался – сам не знаю почему. Потом пытался дозвониться до Терезы, но ее мать сказала, что ее нет и вечером тоже не будет, что она вернется не раньше полуночи. Меня грызла ревность – мне было все равно, с кем она – с кем-то одним или с друзьями, я все равно ужасно ревновал. Я решил на следующий же день поехать в Нью-Йорк – несмотря ни на что, даже если мне будет не попасть в дом, – его закрыли на лето, и мебель в чехлах, и шторы на окнах опущены. Я бы позвонил Терезе, упросил бы ее поехать со мной. Мы могли бы пожить несколько дней у нас в доме или снять номер в гостинице. Мне хотелось объясниться с ней начистоту, а поездка в Нью-Йорк могла бы показаться ей заманчивой. Я бы и раньше уехал, только отец настоял, чтобы я обязательно „переговорил“ с каким-то парнем по фамилии Бампстед, который проводил отпуск по соседству с нами и должен был заехать. Отец сказал, что он бизнесмен, что ему всего тридцать. Думаю, отец решил, что поскольку этот Бампстед такой молодой (!), то ему будет легче обратить меня в свою веру,

в смысле – убедить и меня посвятить себя, всю свою жизнь бизнесу. Он должен был приехать к нам на следующий день, но, конечно, не приехал – из-за того, что случилось».

Дальше шел текст, написанный от руки:

«А я в тот день думал о более значительных вещах. Хотел „подвести итоги“, как выразился Моэм в одной из своих книжек, которую я прочитал. Правда, у меня из этого мало что получилось. Я читал рассказы Моэма (очень хорошие!). Там на протяжении всего нескольких страниц героям открывается, можно сказать, весь смысл существования. Вот и я пытался понять, в чем состоит смысл моей жизни – если вообще он есть, что вовсе не обязательно. Я пытался решить для себя, чего я хочу от этой жизни, но выходило, что я хочу только Терезу, потому что, когда я с ней, я счастлив, да и она, кажется, тоже, и я подумал, что если мы будем вместе, то сумеем понять, в чем смысл жизни, что такое счастье и что это значит – совершенствовать себя. Знаю лишь, что я хочу быть счастливым, и считаю, что каждый должен иметь на это право и не обязан подчинять себя кому-либо или чему-либо, если это ему навязывают. Это, по-моему, касается прежде всего права строить жизнь по собственному разумению, но...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.